

18+

Евгений Орлов

Период второй

Семилетка

Евгений Орлов

Период второй. Семилетка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55559760

ISBN 9785449893321

Аннотация

Периодов всего двенадцать. В них две сюжетные линии. Первая, которую можно считать автобиографичной, рассказывает о жизненном пути автора. Вторая о Человеке, которого, возможно, вскоре будут считать главным героем нашей страны (умер в 1994 г). О его открытиях и разработках, спасительных для наших народов. Его сведения о материально-духовной сущности людей позволяют так изменить жизнь, что кризис начавшийся в 2020 году, окажется не губительным, а прорывным в нашем развитии

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

148

Период второй Семилетка

Евгений Орлов

Благодарности:

Бондаренко Л.В.

© Евгений Орлов, 2021

ISBN 978-5-4498-9332-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В школу я пошел, зная все буквы, и даже умел складывать по слогам несколько простых слов. Научился зимой. Той зимой стояли сильные морозы, печки топились круглые сутки, и в Маруськиной хате загорелась сажа в трубе и дымоходах. Загорелась утром. Люди с водой и ведрами сбежались быстро. Да и снега было столько, что с сугроба без лестниц мужики на крышу хаты забирались. Сажу успели затушить сразу, даже крыша соломенная не успела загореться. А дымоходы обвалились, и топить им в хате стало невозможно.

Нам, по-соседски, пришлось забирать их в нашу хату. Жили они у нас долго-долго – пока не потеплело, и им не от-

ремонтировали дымоходы да печку. Поселили их в кивнате. От их одежды, от постелей, и даже от волос на голове пахло очень противно. Мне наши объяснили, что это запах сгоревшей сажи, и что напоминать погорельцам об этом не красиво. Что мне должно быть стыдно за то, что морщусь каждый раз, как учую эту вонь. Тетя Санька совсем почти к нам не приходила. Она работала на овчарне. Зимой у овец окот, нужно присматривать за ними, и ягнят забирать, чтобы не затоптали, днем и ночью приходится. Вот она и жила на работе всё это время. А тетя Поля следила за тем, чтобы девки после школы не расхаживали по всей хате, не мешали хозяевам, и не выпускала их из кивнаты. Лидка не хотела сидеть сиднем и от скуки стала меня обучать буквам и цифрам.

Из картонок она нарезала квадратиков и, слюнявя химический карандаш, нарисовала несколько простых и заглавных печатных букв. Мне она пояснила, что буквы бывают ещё и прописные, но прописные нужно учить и писать в школе. Что букв много, но для начала нужно выучить только несколько печатных. Мне сначала очень нравилось учиться грамоте, но быстро надоело. Буквы были похожи одна на другую, не запоминались, а у некоторых заглавные ещё и отличались от маленьких. Маруська старалась мне подсказывать, но Лидка ругалась на неё и била по губам.

Каждый день Лидка приставала ко мне с этими буквами, и мне уже совсем не хотелось их учить. К её приходу я старался отпроситься и пойти играть к кому-нибудь из друзей.

Бабушка тоже за меня заступалась, говорила Лидке:

– Что ты на него нападаешь? Он же маленький ещё. Я вон целую зиму в ликбез ходила, да так и не научилась ни писать, ни читать. Так я ж уже бабой была, а ты из дитя хочешь грамотея сделать.

– Так ему ж все равно осенью в школу идти, – поясняла Лидка свое усердие, – а так он уже буквы будет знать, и мне есть, чем заняться. Вы ж не даёте ничего Вам помогать.

– Учи, если нравится, помощница. А мне что ты поможешь? К плите тебя не поставишь, молодая ещё. Воду из колодца таскать и дорожки от снега чистить ты и без напоминаний успеваешь.

– Так это я не рожу помощи, а для себя стараюсь, чтобы вырваться из-под ворчания теткиного. Если что есть серьёзное сделать, так Вы заставляйте, я только рада буду.

С той поры бабушка и вправду стала загружать Лидку домашней работой. То гной в сарае заставит штабелевать, то коноплю мять на мялке. Каждый день находила ей занятие. Тетя Поля всегда радовалась тому, что Лидка помогает нашим. Сама она из-за рук своих ревматизменных ничего делать не могла. А мама и дедушка сердились на бабушку за это. Я даже слышал, как они ругались с ней.

– Мы ж их на постой взяли, а ты Лидку совсем в батрачку превратила, – сердито говорил дедушка бабушке, – так батрачили раньше за еду или за деньги. А эти ж и картошку свою чуть не каждый день несут, и крупу приносили. Чё ты

насела на неё?

– И правда, неудобно, мам, получается, – поддерживала дедушку мама, – подумают, что мы за квартиру с погорельцев работой плату берем.

– Вот насели, – сердилась бабушка, – сама Лидка работать рвется. Её Полька достала уже. Из кивнаты – ни ногой. А Лидка – девка моторная. Дома она и то не часто в хате засиживалась. Управится у их трех куриц и в Вербы по дрова или по подругам. А теперь тетка строго следит, чтобы девка не шастала никуда, чтобы нам не мешать. Вот та и страдает. И ходит за мной, работы просит.

– Ну, дала б ей веник, доливку подмести, – смирился дедушка.

– В хате у нас никогда не бывает не подметено. Что ни делаю, сразу веником за собой да и за вами успеваю. А что по домашним делам важней я наверно не хуже вас, а получше разбираюсь.

– А люди что подумают? – опять спросила мама, обычно не мешающаяся в разговоры старших.

– Так ты что, решила мать родную пристыдить? – в сердцах спросила бабушка.

– Что Вы, мам, простите меня за ради Бога, если так подумали. Я просто переживаю, чтобы люди про нас плохо не стали говорить.

– С ней спорить, нужно сначала редьки ведро съесть. И мне отбрила и на тебя насела, а с самой как с гуся вода, –

продолжал возмущаться дедушка.

– Хорошо! Завтра Лидка будет приставать по поводу работы, я её или к Ксении в контору пошлю или к тебе на стройку. Может, что полегче найдете ей от скуки развлечься.

Я теперь все время следил за Лидкой после школы. Она хоть к бабушке больше не приставала по поводу работы, но та каждый день, кроме воскресений, находила ей занятие. Но Лидка, мне кажется, работала с удовольствием. А теть Поля хвалила каждый раз Лидку и бабушку благодарила за то, что она занимала племянницу делом, и та не просилась по гостям.

Но вечерами она все равно продолжала заниматься со мной буквами и счетом. Счет я освоил быстро. Считал сначала только до десяти. Потом, когда научился считать обратно от десяти до одного, быстро запомнил и другие числа. Правда, считать мог только по порядку. Маруся пробовала меня научить считать через одну цифру. Но у меня не получалось. А потом я научился обманывать её. Одну цифру называл громко, следующую потихоньку, чуть слышно, а следующую опять громко. Получалось как через одну. Даже Лидка не догадывалась про мою хитрость, удивлялась моим способностям и хвалила очень.

Буквы давались хуже. Зато когда стали получаться слова «мама», «Рома», «рама», «мала», «мыло» – появился интерес и к буквам. Бабушка почему-то не слишком радовалась

моим успехам, а мама и особенно бабушка, хвалили, удивлялись, каким способным я оказался, и благодарили Лидку за её усердие.

Софью Ильиничну взяли на вокзале. С началом войны ужесточились требования властей к дисциплине населения. Постоянные претензии по недостаточному проявлению бдительности буквально к каждому работнику – от уборщицы до директора – увеличивали напряженность и порождали чувства недоверия и настороженности.

Наверно поэтому, когда она в самый канун войны ездила в Липецк, кто-то из соседей, которые раньше и сейчас были с ней очень любезны, всё же донес о её отлучке. Приходил уполномоченный и ещё раз строго предупредил, что она, не поставив их в известность, не вправе покидать город. Она тут же спросила:

– Мне ещё раз недели через две необходимо будет съездить к больному брату. Вы можете мне дать такое разрешение?

– Нет, это не входит в мои полномочия.

– А кто может разрешить?

– Вам необходимо записаться на прием к начальнику. Он по средам принимает население. Но при этом вы должны быть готовы доказать, что это вам нужно. Сейчас любая поездка должна быть обоснована. Необходимо предоставлять доказательства.

Воронеж предвоенный. Вид на памятник Никитину

Софья Ильинична опять устроилась на работу. При восемнадцатом заводе открыли новый детский садик, а заведующей назначили знакомую – жену одного из конструкторов СКО завода. До войны они иногда бывали друг у друга в гостях, и женщина с удовольствием взяла Софью Ильиничну на работу. Согласно требованиям она, как жена «врага, народа», сообщила в НКВД о месте работы и графике своих дежурств.

В начале июля от их садика заведующая послала её на городской митинг женщин. Софья Ильинична встретила там свою землячку, недавно побывавшую в Липецке. Но она ничего нового не сообщила. Люся, как и договаривались, домой не писала. Не вынеся неизвестности, Софья Ильинична решила рискнуть ещё разок. Соседи знали, что она работает,

что на работе бывает иногда по несколько суток – поэтому донести не должны. Собрала, что могла на гостинцы, и прямо с работы поехала на вокзал.

С вокзала её привезли к следователю. Один из задержавших долго находился в кабинете следователя, и Софья Ильинична, сидящая в коридоре напротив двери, видела, что он, наклонив голову и прищурившись, что-то старательно писал на уголке стола. Наверно описывал обстоятельства её задержания. Перед тем как писать, он сходил куда-то и принес серую папку и теперь постоянно заглядывал в неё. Она догадалась, что сотрудник был малограмотным и оформлял материал по образцу.

Когда с писаниной было покончено, её завели в кабинет. Следователь, неприятный рыжий тип с крупным лицом и пронизывающим взглядом, спросил:

– Из города бежать решила? Ну, нет, шалишь – от нас тебе не убежать. Поняла, голуба?

– Мне бежать некуда и незачем, А Вас попрошу не называть меня голубой. Если в чем виноватой считаете, давайте разбираться.

– Ага, видать, ко мне ещё одну культурную привели. Сейчас воронежские патриотки рвы противотанковые вокруг города роют. Руки до крови лопатами растирают, а интеллигенция сраная вздумала меня обхождением учить.

Повысив голос, он назидательно продолжил:

– Рвы копать ты не хочешь, а буржуазным пережиткам

учить советский народ не требуется, и нэпманов больше нет. Выходит, что пользы от тебя – как от козла молока. А туда же, поучает.

Софья Ильинична удивилась, откуда он знает, что она манерам учила, ведь это было так давно. Удивления не показала, а спросила:

– Вы меня в чем-то обвиняете, кроме того, что я на вокзал поехала?

– Лишенная прав в чрезвычайной обстановке не может разъезжать неизвестно куда и неизвестно с какой целью. Город на военном положении! Так что за вокзал тоже ответишь. Сейчас я занят. Тебя в камеру отведут. Пока до допроса посиди, подумай, в чем тебе следует чистосердечно признаться.

Повернувшись к задержавшему её на вокзале, приказал:

– Позови конвой.

– Вещи я могу с собой забрать?

– Дежурный посмотрит и сам скажет, что можно брать, а чего нельзя, – с раздражением в голосе буркнул Фрол. Его уже начали раздражать её спокойствие и попытка говорить обстоятельно.

Фрол родился в селе Бедное, на крайнем юге Воронежской области. Этот эпизод он даже приспособился в шуточной форме подавать для обоснования своей преданности власти:

– У меня двойное доказательство родства с советской

властью. Мало того, что родился и вырос в семье бедняков, так даже и село наше Бедным называется.

Жили они, можно сказать, в нищете. Родители его батрачили. Летом, когда работы было больше, питались немного сытнее, а зимы Фролу с раннего детства запомнились опостылевшей картошкой и кислой капустой. Мать Фрола болела и померла, когда ему шел пятый год. Время свое в детстве он проводил в основном в семье материной сестры. Отца почти не видел. Тот или работал на очередных хозяев, или пил. При советах Фрол успешно отучился в ликбезе – потому как до этого грамоты не знал. Его, как члена бедняцкой семьи, привлекали для работы в комбедде. Увидев, как односельчане робеют, заискивают и неподдельно боятся рьяных представителей недавно установившейся власти, он твердо решил посвятить свою жизнь служению этой власти. Вскоре в сельский совет пришла разнарядка – направить из числа бедняков молодого, умеющего читать и писать парня для обучения на курсах младших командиров. Когда Фролу предложили поехать на учебу, он согласился с великим удовольствием. Выпросил благословение расстроенной тётки, а с отцом не смог даже проститься по человечески. Тот в это время был в глубоком запое. С той поры Фрол редко появлялся в родном селе.

Тётка приезжала к нему иногда и во время учебы, и когда стал работать. Теткина жизнь тоже сложилась не сладко. В германскую её сына Захара по инвалидности в армию

не мобилизовали. И он приспособился с женой на период путины ездить в Таганрог подрабатывать на засолке рыбы. Один год они вернулись поездом, при деньгах, и тарани сушёной привезли целый мешок. Вся зиму потом барствовали с рыбой на столе. А на другой год, когда они уже домой возвращались, в плавнях их встретили лихие люди и всё заработанное забрали и жизни почему-то лишили обоих. Узнала тётка об этой беде только через полтора месяца, когда вернулся из этих мест их знакомый из хутора Солоцы. Даже, где похоронили сына с невесткой, точно не знала. Вышло так, что вместо кормильца, у неё на изживание ещё и Агафья, внучка осталась.

В свои приезды Фрол старался прикупить им побольше гостинцев. Передавал подарки и своей племяннице Агафье, и её дочке малолетней. Кроме Фрола и Агафьи в селе никто не знал, что отцом её дочери является Фрол. Только у него не было глубоких родственных чувств ни к этой девочке, ни тем более к своей племяннице. И подарки он им передавал скорее из бахвальства. Ему очень хотелось, чтобы в селе знали и обсуждали не только то, что он теперь при должности важной работает не где-нибудь, а в самом Воронеже. Но и то, что и живет не бедно. Хоть себя он давно уже и уверенно считал городским, но похвастать перед сельчанами, показать, что самостоятельно сумел выбиться из бедности, стремился всею душою.

Софье Ильиничне разрешили взять теплые вещи, мыло,

зубной порошок и зубную щетку. Расческу брать не разрешили потому, что она металлическая. Заколки, брошь, булавку и ремень с металлической пряжкой тоже отобрали. Из того, что везла на гостинец, не отдали ничего.

В камере Софья Ильинична была одна. Камера узкая, темная. Вдоль длинной стены стояли затертые голые двухъярусные нары из неструганных досок. В углу, у двери пустая параша. Вверху узенькое зарешеченное окошко. И голые, холодные, грязные стены со всех сторон.

Ни керосиновой лампы, ни электрической лампочки в камере не было. Когда на улице стемнело, узницу окутала непроглядная темень. Светлые полосы окаймляли очертания окошка в двери. Видно, в коридоре был свет.

На душе тоже было тускло, тоскливо и серо. Думать ни о чем не хотелось. Ареста ждала давно. Но случившееся сегодня приняла фаталистически: как что-то непоправимое, как конец жизни. Хотя вполне возможно, что после допроса, её сразу же отпустят, думала почему-то о том, сможет ли достойно встретить свою смерть, как будет Люся жить без неё, как Иван будет переживать её смерть. В очередной раз покаялась перед находящимся в неволе любимым за то, что часто была слишком требовательна к нему. Что пыталась приспособить его жизнь к своим эгоистическим капризам. Может, этим она подвела его в не слишком понятных ей, партийных правилах.

Трясла головой, прогоняя нелепые мысли. Господи, что

это я думаю такое. Не надо думать о глупостях. Даст Бог, все образуется. Сидеть устала, решила прилечь. Полежав полчаса, вновь присела на край нар. Тело, непривычное к такому жесткому ложу, болело как от ушиба. Сидела долго. Начало клонить ко сну. Легла на бок, подложила кулак под голову и задремала. Тут заскрипел запор, открылась дверь, в камере стало светло, а появившийся в дверном проеме тщедушный конвоир выкрикнул басом:

– Кузьмина, на допрос.

Он повёл её по полусвещённому коридору, командуя густым басом, так не соответствующим его щуплой фигуре:

– Руки за спину. Вперед. Стоять. Лицом к стене. Вперед.

На допрос через проходную не проводили, и Софья Ильинична успела подумать, что допрашивать будет другой. Фрол, который говорил с ней днем, вызывал чувства неприязни и раздражения. Подошли к двери. Конвоир постучался.

– Заходи, – послышалось из-за двери.

Перешагнув порог, она остановилась в нерешительность. Слепил яркий свет электрической лампы, повернутой лучом к двери. Из темноты за лампой послышался раздраженный голос:

– Веди к столу, сажай на стул.

Она узнала голос придирающегося к ней днем следователя и вздохнула.

Прикрывая глаза ладонью, осторожно прошла вперед, уселась на стул и зажмурилась от слепящего луча.

Темнота приказала конвоиру:

– Можешь идти.

Щелкнули каблучки, и дверь закрылась. К допросу следователь готовился тщательно. Вышестоящие органы требовали увеличить количество выявленных врагов, и он был уверен, что сможет легко доказать наличие враждебных действий у этой штучки. Ишь, буржуйка откормленная, мне она будет указывать, о чем спрашивать. Ещё одергивает, как мальчишку. Ничего, погоди. Ты у меня запоешь. Хорохорится она, дура. Не к такому попала, чтобы хорохориться.

Фрол молча рассматривал лицо Софьи Ильиничны. Продолжал злиться и распалять себя. Сидит, как в гостях. Специально мне туману напускает, вроде не волнуется. Лицо как на картинке. Вырядилась. Ничего, блеск и лоск скоро оботрутся. Такие нежененькие даже быстрее идут на сотрудничество. Жена «врага народа», а сидит как комиссар. Родина в опасности, фашисты к Москве и Ленинграду рвутся, а эту ничего не волнует. Такие вот непонятные и непонимающие и вносят дезорганизацию. Попробуй таких сплотить на борьбу с врагом. Правильные установки дали. Органам работы прибавилось, зато такие вот симулянтки, шпионки и диверсантки в лагере целыми днями будут вкалывать на оборону. Там отлынивать не дадут. Заметив на освещённом лице тени тревоги, позлорадствовал: «Ага, волнуешься, стерва!». Вслух спросил:

– Подумала?

Софья Ильинична вздрогнула от неожиданности, повернувшись, посмотрела в темноту, туда, где по её предположению сидел следователь, и пожала плечами:

– О чем?

– О чистосердечном признании нам надо договориться, голуба.

– Вы меня считаете в чем-то виноватой?

– Вопросы здесь я задавать буду, – грубо прервал её Фрол. – Запомни на будущее. Пока не спросят – рта не открывай. Когда спросят – тоже, по делу отвечай, а не болтай чепухи. Поняла?

Софья Ильинична помолчала немного, подумала, а затем твердым взглядом уперлась в темноту левее Фрола и заявила:

– Тогда спрашивайте тоже по существу.

– Может, поучишь меня, как вести допрос?

– Нет, конечно, я в Вашей профессии не разбираюсь.

– Не разбираешься, тогда не умничай.

Фрол уже с не наигранной злостью уставился в ярко освещённое лицо, обдумывая линию допроса. Помолчав, строго спросил:

– Сначала поясни-ка, голуба, какого рожна ты оказалась в рабочее время на вокзале? По графику у тебя дежурство сегодня с утра и до восьми вечера.

– У меня три смены сверхурочных на ночном дежурстве отработаны. На вокзале я это объясняла товарищам.

В моих вещах, в сумочке справка лежит от заведующей, что я отпущена на сегодня и на завтра.

– Тамбовский волк тебе товарищ, а не наши сотрудники. А справка эта годится для нужника или чтобы заведующую твою под военно-полевой суд подвести.

Заметив, как встревожено глянула она в то место, где предполагала увидеть Фрола – ощутил удовлетворение: "Ну вот, забежали глазки, не хочешь своих подводить».

Софья Ильинична как можно безразличнее произнесла:

– Заведующая здесь не причем. Я просто поясняю, что у меня отработанное время есть.

– Ты «Коммуну» читаешь?

– Да, каждый день. Мы выписываем её.

– Читала, по сколько дают прогульщикам за один день уклонения от работы? А ты, выходит, два дня вольничать собралась.

– Повторяю, у меня законно отработанные сверхурочные смены. Я на законном основании собралась на полдня съездить к больному брату в Рамонь.

– На счет брата в Рамони ты, голуба, наплетишь кому-нибудь другому. Не значатся у тебя родственники в Рамони. Ежели собиралась ехать из города – обязана получить разрешение. Предупреждали? – Мельком глянул на её лицо, чтобы увидеть, какие чувства вызовет его осведомленность, но не заметил никаких проявлений и продолжил, – Спекуляцией ты решила заняться на вокзале, а не больно-

го навещать. Купила в наркомовском магазине на заводе подешевле, а с приезжих втридорога содрать решила. В городе ограничены ресурсы. Родина всё, что может, направляет для поддержки фронта. А ты пользуешься временными трудностями страны для достижения своих спекулянтских целей.

– Я имела в виду не своего брата, а брата невестки, он у неё...

– Молчать, пока тебя не спросят, – перебил её Фрол и громко стукнул ладонью по столу. – Сколько потянут по спекулянтским ценам хабари в твоей корзине?

Софья Ильинична втянула голову в плечи и сидела зажимурившись. Когда молчание затянулось, он с угрозой спросил:

– Что, в молчанку играть собралась?

– Я не молчу.

– А я что-то не расслышал, сколько собиралась наспекулировать тем, с чем тебя на вокзале взяли.

– Перед арестом я поезд ожидала. Торговать не умею, а спекуляции тем более не обучена.

– Что ж ты умеешь? Умеешь только шашни крутить со спецами из Москвы? Опять молчишь? Тебя спрашиваю.

– Я не знаю, что отвечать на такой вопрос.

– Для начала скажи, где ты встречалась с инженером Соколовым до его приезда на завод Ворошилова.

– Мы познакомились, когда он приехал в Воронеж, а рань-

ше я его не знала и не встречалась.

– Дома он у вас часто бывал?

– Не часто, но заходил иногда.

– Твой Иван где был в тот день, когда самолет у вас на аэродроме подожгли?

– Я о таком случае не слышала.

– Врешь, стерва.

– Нет, я сказала правду.

– Тогда скажи правду, чем он занимался, где был и что делал в день аварии и за день до того, как заводской транспортный самолет разбился?

– На работе. Где же ему ещё быть?

– Что говорил про аварию?

– Переживал. Все волновались, когда услышали, что самолет с начальством в аварию попал.

– Он рассказывал, кто из руководства завода пострадал?

– Тогда об этом весь завод и в поселке все говорили. Думали, что Шенкман больше встать на ноги не сможет. Сочувствовали всем. И Шенкман, слава Богу, ходит уже полегонечку.

– Последний раз предупреждаю. Отвечай точно на мои вопросы, – и он опять в упор посмотрел в лицо арестованной.

Софья Ильинична уже немного привыкла к слепящему лучу и различала очертания следователя. Под его взглядом она

смирненно опустила глаза, но сидела спокойно и с достоинством.

Фрол ненавидел эту женщину. Злоба все сильнее окутывала его разум, мешала сосредоточиться. Достала до печенок. Слава Богу, у меня и опыта, и знаний, и авторитета достаточно, чтобы упрятать такую хоть в лагерь, хоть на поселение. Жалко, что по нашей линии москвичи из ГПУ молчат, не требуют сообщников выявлять по делу Ивана. Её саму тяжело раскрутить на шпионку или диверсантку, даже распространительницу вредных слухов из неё не слепишь. Хрен с ней. Оформлю прогулы, спекуляцию, нарушение режима. Пусть НКВД до суда доводит.

Если нормально все составят – лет на пять потянет. Какой ещё судья конечно попадетя. Нашими судьями тоже следовало бы заняться, или не понимают, или блажь такую напускают на себя. Такие события. Город на военном положении, а они справкам бумажным верят, свидетелей заинтересованных выслушивают. Пару-тройку судий из суда, да из трибунала одного, тех, что слишком либеральничает, промять через «упрощенный порядок» в нашей конторе, и на «особое совещание»! Тогда бы суды не миндальничали с такими!

Попадись она новичку, с её манерой говорить мало и взвешивать каждое слово – на другой бы день освободилась, как ошибочно задержанная. Но у меня не сорвется. Достала! Он потряхнул головой, заставляя себя сосредоточиться. Взял

карандаш. Ещё раз глянул на освещённое лицо.

Софья Ильинична на этот раз не опустила глаза, а резким движением головы откинула непослушную прядь и замерла в ожидании вопросов с высоко поднятым подбородком. Вид у неё получился вызывающий. «Дура. Что ты героиню передо мной корчишь? Тебе в самый раз думать, как статью помягче получить, да срок поменьше. А ты голову задираешь».

Она молча смотрела на следователя.

– Ну, что уставилась? Тебе же добра желают. Пока ты в камере дрыхла, я материалы смотрел, решал, чем тебе помочь можно. Думаешь, что в органах сухари черствые служат? Здесь тоже живые люди, и душа у каждого есть. Жалко такую кралю по пустякам привлекать. А может, тебе все равно, какой приговор вынесут? Все одно, что расстрел, что тюрьма, что свобода?

На её лице мелькнули отражения тревожных мыслей и испуга. Спросила чуть дрогнувшим голосом:

– О каком расстреле, о какой тюрьме идет речь? Меня что, обвиняют в каких-то преступлениях?

– О таком расстреле, голуба, когда выводят к стенке, глаза завязывают, пиф-паф в лобик, и нет тебя больше. А тюрьма похожа на эту, только в камерах народу побольше, и все вишивые да вонючие.

Он долго, обстоятельно и со вкусом описывал особенности и пороки жизни в заключении. Софья Ильинична опу-

стила голову. Сидела, нахохлившись, и лихорадочно думала, что кроется за словами следователя. Наверно, они действительно могут вот так забрать и расстрелять. Скольких забрали – не перечесть. Забирали даже с биографиями безупречными с точки зрения нынешней власти. Моя биография для них далеко не образцовая. Может, пугает только? Хочет, чтобы оговорила кого-то, кто у них на подозрении? Не зря намекает, что помогать будет, значит, что-нибудь в обмен потребует. Если навет на кого потребует – наговаривать ни на кого не стану. Грех великий другого человека оговаривать. А может, он в органы меня привлечь хочет таким варварским способом? Если им известно, что манерам обучала, значит, знают, и что языками владею. Сообщали, что есть решение о создании партизанских отрядов в тылу немцев. Если предложит переводчицей к партизанам – соглашусь. Конечно, партизанам необходимо допрашивать захваченных немцев, получать необходимые сведения, а язык сейчас мало кто по-настоящему знает. Немцы вон как нажимают. С нашей армией что происходит, из сводок не поймешь. На карте у проходной уже сколько коричневых флажков наколото – ужас. В такой беде не пристало только на армию надеяться. Если можешь пользу принести армии, нечего сидеть в тепле. Как говорил Ваня – необходимо засучить рукава и браться за такое дело, где больше пользы будет. Съезжу, узнаю, как там Люся, и поеду воевать. Стрелять, наверно, научат. Надо было слушать

мужса, ходить на кружок ПВХО или ГСО. Уже бы навыки были. Когда Люся узнает, что я на войну пошла – лопнет от гордости за мамку свою любимую. Тяжело ей сейчас: в таком возрасте, и такое горе с отцом. Она все в небесах витала. Все свои комсомольские идеи двигала. С Ваней такое – для неё как снег на голову. Надломилась сразу. Зато как повзрослела, посерьезнела.

А вдруг он про расстрел не запугивал, а серьезно? Сколько за последние годы расстреляли. Не простых. Вон с каких высот под пули ставили. Партийных руководителей не пожалели. Военных сколько убили. А теперь под Смоленском с немцами воюем. До Москвы рукой подать. Не стреляли бы своих военных, может, они и не пустили врага так далеко. Говорили же, что бить противника будем на его территории.

– Ну, что задумалась? – вернул её к действительности голос Фрола, – жить хочется?

– Жить все хотя, и я тоже.

– Короче так. Я свои карты на стол выкладываю. Ты тоже свои открывай. Твой муж Иван по очень серьезному делу проходит. Ему уже никто не поможет. Сообщение о расстреле будет на этой неделе или на следующей. А себе помочь ты ещё можешь.

При этих словах у Софьи Ильиничны перехватило дыхание, глаза наполнились слезами, и запершило в носу. То, как говорил следователь о муже – ровно, буднично, безразлично

и как об уже давно всем известное – заставило мгновенно поверить его словам.

Он искоса поглядывал на неё и спокойно продолжал:

– Так вот, тебя тоже за пособничество мужу решили привлечь, а это или расстрел, или срок большой. Но – то понимаю, что никакая ты не помощница в его вредительстве. Разве что кормила его вовремя да спать в одну постель ложилась. Но они не поймут этого. Им вынь да положь соучастницу. Вот я и решил, как можно тебя спасти от этой беды.

До неё с трудом доходил смысл его слов. Господи, Ваню расстреляют! Как же так? Что он бубнит там? За что меня будут убивать? Почему он стал помогать мне, грубый очень, а помогает. Монотонный голос следователя потеплел, приобрел доверительные интонации:

– Я тебе, голуба, жизнь спасаю. Пока шум с делом мужа утихнет, тебе за решеткой посидеть придется. Сидеть недолго будешь. За это ты поможешь мне дело на тебя оформить. Чтобы мне не носиться по городу, не собирать доказательств, не искать свидетелей. Сейчас спокойно назовешь фамилии тех, кто тебя товаром для спекуляции снабжал. Расскажешь, на каких условиях заведующая дала справку, что ты два дня свободна.

Она наклонила голову, полными слез глазами смотрела на свои руки, нервно разглаживающие складки платья на коленях. Боже мой! А я думала – переводчицей. Ваню расстре-

ляют. Хорошо, с Люсей обо всем договорились. Плохо только, что война. Какие ему ещё фамилии нужны?

– Ну что, по рукам? Сотрудничать будем?

– Сотрудничать я согласна. Только ещё раз хочу пояснить, что отпустили меня за сверхурочные смены. Все, что с собой было – из личных вещей. Продукты из домашних запасов, и карточки отоварила.

Фрол оттолкнул свой стул, вскочил на ноги и опять стукнул по столу. Наклонившись к арестованной, угрожающе крикнул:

– Ты что, душой прикидываешься? – Повернул луч света вдоль кабинета, обогнул стол, больно схватил своей пятерней её за шею и подбородок и наклонившись прошипел:

– По глазам вижу, все понимаешь. Понимаешь, что придется назвать нужные фамилии. Назовешь, никуда не денешься, если жить конечно хочешь. А понимаешь всё, так какого же ляда хвостом крутишь? Хлопаешь зенками, вроде не поймешь, о чем толкую тебе. Может, надеешься, что я за тебя буду соучастников выявлять, а ты чистенькой останешься? Нет, голуба, не выйдет.

Кожа на левой скуле Софьи Ильиничны растянулась, лицо исказила гримаса боли. Она не вскрикнула, только прикусила нижнюю губу и зажмурилась. Дыханье следователя было смрадным. От него несло селедкой, луком, несвежим ртом, и все забивал резкий запах водки. Было больно, неприятно и противно.

Не выдержав, она заплакала вслух и, всхлипывая, повторяла, глотая слезы:

– Господи, почему Вы меня не понимаете? Мне ясно, чего Вы добиваетесь. Я должна буду солгать... Конечно, это ложь во спасение... Но если бы требовалось солгать, какая была погода... Ведь это живые люди... Я не могу других оговаривать. Против себя самой, если надо, наверно ...смогла бы, а на других не могу...

Она долго ещё так сидела, потупив взгляд, пытаясь убедить этого страшного человека, что не в силах наговорить на других. Фрол стоял рядом, разглядывал её и удивлялся. Что за порода такая эти буржуи? Вроде слабая, нежная, кожа вон на щеках как у младенца. Но стоит на своем, хоть ты кол ей на голове теши. Красивая стерва, соблазнительная. Выглядит вдвое моложе своих лет. Пока молчит или плачет, на бабу аппетитную похожа. Заделать такой – одно удовольствие. А заговорит чуть, даже на вопрос просто отвечает – и уже господь Бог. Хоть оправдывайся. Откуда это всё у них? Как с ними мужья разговаривают? В кровать всё одно вместе ложатся. Нормальные наши бабы не такие, как эта краля буржуйская.

Он считал себя знатоком женской психологии и даже слыл сердцеедом. На допросах он знал одних женщин, на вечеринках, в бараках, в городе были другие, но всегда в них чувствовалась баба. Слабое, беззащитное, зависимое существо. Даже если гоношится какая по нутру своему, все одно

она бабой остается. Та гордится, что в передовиках ходит на производстве, другая красотой, третья – дорогими уборами, но все они похотливы, слабы, ищут опору в сильном и надежном мужчине. Арестованная баба паникует, слабо соображает, готова на все ради облегчения участи. На свободе они порой неплохо маскируют свою бабскую натуру, но в душе любая ждет и ищет самца. Девки из барачков, на стройках недавно в городе, поэтому просты и наивны.

Приглашаешь, которая приглянулась, погулять вечером – она не спрашивает, куда пойдём. Покорно идет, заранее на всё готовая и на всё согласная. Городские, заводские и станционные – побойчей. Другая такая языкастая, что не сговоришь. Но вступая с такой в беседу, Фрол опытным глазом чекиста видел, как, отвечая на несущественные вопросы, дамочка томно прикрывала глаза, понижала чуть не до шепота голос и, объясняя как пройти к трамвайной остановке, она уже готова сдаться на милость победителя. Всеми своими фибрами она внушала: "Я-то понимаю почему именно меня ты спрашиваешь про трамвай. Но нельзя же в конце-то концов так откровенно со мной... Хотя, если подумать..."» Дальнейшие события уже были исключительно во власти Фрола. Если дама нравилась, достаточно было ещё нескольких пустых фраз, и можно переходить к конкретному разговору. Договариваться, как её найти, если оставлял женщину про запас. Или назначать свидание, если решал погулять недельку с новой знакомой.

Эта совсем не похожа на бабу. Хоть женского в ней даже через край. Плачет, так грудь на полчетверти вверх держается. Наклонив голову, глянул в разрез платья за пазуху. Сиськи круглые, как у девочки. Наверно лифчиком их задирает. От такого любой не в себе будет. Во работенка. Вместо того, что б с бабенкой молоденькой в кровати тешишься, должен обрабатывать эту буржуйку смазливую. Должен стараться ради её же блага.

Он работал в органах с душой, преданно и увлеченно. Сейчас уже даже не помнил, что допрос построил таким образом, чтобы припугнуть как следует, а затем получить нужные показания. Увлекишись, он уже сам верил, что спасает свою подследственную, помогает ей получить лучшую статью. А эта стерва упирается, не верит в искренность его намерений. Скрывая свое раздражение, он стал вновь убеждать:

– Что ты заладила: «Оговаривать, оговаривать...» Где-то ты доставала же все, с чем тебя взяли. Расскажи, у кого покупала. Не покрывай ты их. Они ведь наживаются на том, что с началом войны у людей повышенный спрос на все товары появился. Народ запастись хочет, а для них нажива. Потому и карточки ввели. Да попадись любая из них, она про тебя с удовольствием наплела бы с три короба.

– Поймите, я за других не знаю. Бог им судья. Но я ведь не могу так на человека наговорить, просто, чтобы облег-

чить Вам работу, – она старалась вложить в свой голос всю полноту смятения, которое вызывало в ней его требование.

Глядя на него, стала, как ей казалось с ещё большей убедительностью доказывать искренность своих слов. Фрол стоял вплотную, и чтобы не быть так близко, Софья Ильинична попыталась отодвинуть ногой свой табурет. Табурет оказался прибитым к полу.

От близости женского тела, от её возбужденного дыхания кровь ударила Фролу в голову. На него обрушились непреодолимое желание и дикая злоба на это упрямство. Отступив на полшага, он выдохнул:

– С меня хватит. По хорошему не понимаешь – получи! – коротко размахнувшись, он сильно, как мужику, двинул её кулаком под дых. У неё перехватило дыхание, лицо исказила гримаса боли. Скорчившись, Софья Ильинична начала валиться на пол. Фрол подхватил безвольное тело за талию и волоком потащил в угол кабинета. Грубо бросил левым боком на узкий топчан, стоявший вдоль стенки. Не говоря ни слова, достал из-под топчана тонкую, но крепкую льняную веревку и завязал один её конец каким-то мудреным узлом вокруг правой руки Софьи Ильиничны, чуть выше локтя. Резко перевернул её на спину, продел веревку под топчаном и затем обмотал вокруг левого предплечья. Сделал петлю и стянул веревку так крепко, что она не могла не только подняться, но даже и пошевелиться.

С ужасом, не сопротивляясь, она наблюдала за следователем, занятым своим делом. Понимала, что сейчас он будет её пытаться. Мысли метались лихорадочно и бессвязно. О пытках во время Гражданской войны она была наслышана. Каких только ужасов не рассказывали. Неужто и со мной подобным образом поступит? Господи, ведь я не вынесу пыток. Я так боюсь боли. Может, согласиться, пусть записывает, а потом на суде отказаться? Но он заставит все подписать. Не подпишу, все равно пытать будет. Подписать, потом на суде не откажешься от своей подписи. Господи, Боже милостивый, как же мне быть? Что делать? От страха её начал пробивать озноб, и она дрожала всем телом. Фрол сел на край топчана, задрал ей подол, засунул руку под рубашку за поясицу и захватил резинку рейтуз, начал стягивать их с зада.

Краска стыда залила лицо Софьи Ильиничны. Что он делает? Срам какой. Может, он насиловать меня вздумал? Нет. Скорее всего у них здесь какие-нибудь изощренные методы пыток применяются. Не смея глянуть на следователя, она инстинктивно сжала колени и сцепила ступни ног. Фрол громко и хрипло задыхался и навалился на неё всем телом. Лучевой костью левой руки он больно придавил её бок, навалившись сверху. Другой рукой продолжал тянуть рейтузы вниз. Они вывернулись наизнанку, но плотно сжатые ноги и резинки штанин не позволяли снять их ниже колен. Привстав, он прохрипел:

– Ты и в этом деле упираться решила. Не выйдет. Здесь я с тобой быстро управлюсь, – при этом он поставил свою согнутою в колене ногу на её плотно сжатые бедра, чуть выше спущенных к коленям рейтуз и вдруг перенес всю тяжесть тела на это колено. Ноги раздвинулись. Складка кожи с внутренней части бедра Софьи Ильиничны прижалась коленом к топчану, защемила так, что она вскрикнула.

– Ничего, потерпи. Сейчас захорошеет, – злорадно успокоил Фрол.

Помогая себе коленом, а затем голенью, он сдвинул рейтузы к ступням её ног.

Сообразив наконец, что он её насилует, Софья Ильинична начала сопротивляться изо всех сил. Сцепив ноги, она старалась не сдавать последнюю позицию. Но он резко двинул сапогом той ноги, которую вогнал коленкой меж её ног, так что туфли слетели со ступней, а рейтузы снялись с правой ноги. Раздвинув ничем не связанные ноги, он так же резко втиснул свое второе колено меж её коленей и, навалившись, стал торопливо растягивать свои штаны, шепча:

– Сейчас, сейчас... Подожди маленько. Сейчас... попробуешь... настоящего, пролетарского.

Софья Ильинична в своей жизни не знала другого мужчину, кроме Ивана. Опыт интимных отношений приобретала только во время близости с мужем. Иван имел довольно богатую практику задолго до женитьбы. Но, женившись, понял, что любовью занимается с женой совсем не так, как

раньше.

С другими он нетерпеливо стремился быстрее овладеть партнершей. Физическая близость завершалась сладострастным упоением оргазма. Потом он лежал, лениво отвечая на ласки подружки, пока не наступала готовность к ещё одной близости.

С женой было по-другому и несравнимо лучше. Ни он, ни она не торопили начало физической близости. Ей предшествовала длительная игра, занимавшая порой полночи. Они играли, резвились как дети малые. Шептали нежные, бессвязные слова. Он щекотал губами ей затылок, ухо, щеку, она вздрагивала и сжималась от этих прикосновений и просила: «Перестань, мне холодно становится от этого». При этом их любовные игры носили какой-то целомудренный характер. Они об этом никогда не говорили, но, лаская, целуя, поглаживая и покусывая друг друга, не касались частей тела ниже пояса.

Правда, Иван обнаружил один секрет. Если ему было уже невтерпёж, а она продолжала игру – он нежно проводил кончиками пальцев руки, едва касаясь нежной кожи, по верхней части её бедра от коленки к паху. У жены перехватывало дыхание, она широко раздвигала ноги, сгибала колени и закрыв глаза, откинув голову на подушку шептала: «Бери меня, Ванечка, бери быстрее!» Их тела становились одним целым, ни на что не реагирующим, поглощенным ритмическими движениями, протяжными стонами и вздохами.

У неё быстро приходил оргазм. У Ивана оргазм наступал позже.

Теперь её терзал другой мужчина. Расстегнув штаны, Фрол старался нащупать в завитушках её лобка вход. Она почувствовала тепло и упругость прижатого к её бедру члена. Мелькнула мысль: "Неужели и с этим гадом будет так же приятно, как и с Иваном?" Сжимаемая мышцы таза, она старалась отодвинуться.

Он наконец нащупал, что искал. Направляя член рукой, с огромной силой пытался затолкнуть его. Под член попал клочок волос и вдобавок он уперся в правую сторону наружных губ. Было очень больно, обидно и противно. Она опять заплакала. Наконец усилия следователя увенчались успехом. Он резко и сильно задвигал всем телом, удовлетворенно приговаривая:

– Ну вот. Так-то лучше. Вот так... так тебе.

Он хрипло и зловонно дышал Софье в лицо и натурально спросил:

– Что лежишь, как мертвая, помогай. Сама удовольствие получишь, и я быстрее закончу. Не хочешь? Ну, дело хозяйское. А я поработаю. Вот так... Вот так... Почувствовала силу пролетариата?

Её опасения были напрасными. Она явно ощутила, как в ней сработал какой-то выключатель. Выключатель щелкнул, и сразу пропало ощущение мужчины, мужской силы, чувственное восприятие мужских рук, мужского те-

ла и движений члена. Ничего, кроме омерзения и ненависти к этому скоту, она не испытывала. С каждым толчком чувствовала, как больно что-то растягивается внутри. Боль отдавала в пах. Длилось испытание долго. Теперь каждое его движение отдавалось в натертых стенках влагаллица, как надавливание пальцем на открытую рану.

Лежала, отвернувшись от смрадного дыхания. Наконец насильник застонал, сделал несколько сильных и быстрых толчков, заставивших её вскрикнуть, и умиротворенно положил голову на высокую грудь Софьи Ильиничны.

– Ну вот и все. А ты, дурра, боялась. Ха-ха- ха-ха. А подушки у тебя что надо.

Она повернулась и смачно плюнула в его покрасневшуюся, довольную рожу.

– Доволен? Справился с беззащитной женщиной. Вы тут только с бабами воевать герои. Козел вонищий.

Фрол длинно, забористо заматерился, встал и, не пряча свое мужское достоинство, придерживая двумя руками штаны, пошел в другой угол, ярко освещённый лучом лампы. Взял льняное полотенце у рукомойника, вытер сначала лицо от плевка, затем, не обращая внимания на привязанную женщину, тщательно вытер член, внимательно рассмотрел его и только после этого спрятал.

Заправил в кальсоны рубаху, застегнул штаны и направился к столу. Она потребовала:

– Развяжи меня, мерзавец.

– Ну уж дудки. Нам с тобой, голуба, теперь спешить некуда. До утра ещё палки три кину, а там, глядишь, и договоримся, что писать в протоколе будем.

– Не очень-то радуйся. В чем бы теперь не обвинили вы меня, в вашем борделе вонючем, я молчать не стану. Все про твои зверства расскажу: хоть конвоирам, хоть суду, хоть трибуналу, хоть прокурору. Тебе придется ответить за все. Опусти мне платье. Не могу же я лежать перед тобой, козлом, в таком положении.

– Можешь, голуба, теперь ты всё можешь. Всё будешь делать, что не попрошу. Всё исполнять будешь. Даже под меня сама кидаться будешь, просить будешь, чтоб заделал разок- другой.

– Размечтался. Скотина! Как только земля тебя носит изверга. Зверюга, а не человек.

– Зверем я только с врагами советской власти бываю. А что бегать за мною будешь, я тебе сурьёзно заявляю. Есть у нас лекарствицо одно. Сделают тебе укольчик – по мужику будешь волком выть. Любому рада будешь. Позже покажу тебя начальнику нашему. Он охоч до таких смазливых. Вот у него и имеется средство это. После второго или третьего укола на ножку стула готова будешь одеться. Любому уроду дашь. А я пока без согласия ещё разочек заделаю тебе. Уж больно хороша. Удовольствие огромное.

На этот раз он овладел ей быстро. Смазанным спермой

стенкам влагалища было не так больно. Хотелось опять заплевать его лицо, но он предусмотрительно повернул её голову в сторону и накрыл подолом платья. Теперь он двигался не так резко, что-то бормотал себе под нос, но очень долго не мог закончить. Ещё раз повторил процедуру с вытиранием и миролюбиво заявил:

– Ну вот, уже обвыклась немножко. Не дергаешься.

– Скотина. Зачем ты это делаешь?

– Знаешь, голуба, причин много. Во-первых, уж больно ты аппетитная. Захотелось самолично попробовать, каким мясом буржуи питались. Ну а главное в том, что доказать тебе хочу, что ты тут ничто, пустое место. Все в моей власти.

Все силы Софьи Ильиничны, весь её настрой держаться твердо, говорить обдуманно, все, к чему она себя готовила в течение месяцев ожидания ареста, было сломлено, раздавлено, опустошено. Способность к анализу, логическим обобщениям парализованы страхом, стыдом и обидой. Слез уже не было. Пришли апатия и усталость. Не хотелось говорить, не хотелось думать, не хотелось даже обзывать и оскорблять этого мерзавца, не хотелось жить.

Фрол тоже молчал. Он уселся за стол, повернул луч света на топчан, откинулся на спинку стула и молча, с удовольствием лицезрел обнаженные части тела своей пленницы.

Прошло минут десять. Следовательно заскрипел стулом

и спросил:

– Что ты там решила насчет помощи следствию по твоей антинародной деятельности?

Софья Ильинична молчала. Лежала, зажмурилась, с лицом закутанном подолом платья. Все тело ломало, и болели те места, которые тискали, давили и выкручивали палач, ныла и саднила спина от неподвижного лежания на жестком топчане.

Он продолжал:

– Хватит строить из себя. Надо разговаривать, если хочешь побыстрее покончить с этим. Ладно, я жажду утолил маленько, могу и развязать, если обещаешь помочь следствию, – заявил Фрол, подходя к топчану. Подвинув ноги пленницы, присел на краешек топчана и начал развязывать узел на её левом предплечье. Ухмыляясь, легонько, с оттяжкой шлепнул ладонью по голому бедру и восторженно объявил:

– Хороша! всю жизнь бы на такой кобыле ездил. Ладно, ладно, успокойся. Сейчас развяжу.

Из-под платья, закрывшего лицо, она не видела, куда смотрит следователь, но почувствовала, как краска стыда вновь залила лицо. А он, навалившись на её голые бедра, распутал, наконец, узел и выдернул веревку из-под топчана.

– Все, развязал, можешь вставать. С другой руки сама веревку снимай, – буркнул Фрол и остался сидеть на диване.

Софья Ильинична сдернула платье с лица, прикрыла ноги,

повернулась и на коленях стала продвигаться к краю дивана. Фрол встал, окинул взглядом стоящую на четвереньках красавицу, залюбовался тугой, нежной кожей её бедер, ещё не прикрытых платьем сзади, и зарычал:

– Такое и бревно выдержать не сможет! – обхватил её сзади двумя руками за талию, так резко сдернул с топчана, что порвался чулок на правом колене. Приподнял, чтобы ноги не доставали пола. Чтобы не стукнуться лицом о топчан, она оперлась на свое ложе согнутыми руками. Больно стукнул сапогом изнутри по одной стопе, опустил на пол, таким же ударом отодвинул вторую ногу. Прижал всей своей тушей к топчану, так что на голених её ног налились красные рубцы, обхватил одной рукой низ живота, а другой, в очередной раз, стал расстегивать свои штаны.

Она никогда не занималась этим в такой позе. А следовательно словно озверел. Помогая себе руками, он энергично толкал её тело навстречу движениям своего таза. Насаживая её, он хрипел:

– Вот так.. вот так... Вот так... О-о-о. Блеск. Ещё, ещё, ещё.

Ей было нестерпимо больно. Казалось, внутренние ткани тела не выдержат этих толчков и вот- вот порвутся. Гримасничая от боли, она просила:

– Не надо. Прекрати, скотина. Ой, ой, мне больно. Ой, я не могу. Ой. Ой, мне очень больно!

Он с рычанием продолжал:

– Ничего, ничего, ничего. Потерпи маленько. Вот так, вот так.

Когда Фрол закончил, закричали оба. Он от удовольствия. Она от боли. Молча отодвинув пленницу, он пошел в угол к полотенцу.

Она одернула платье и присела на угол топчана. С минуты сидела не двигаясь. Увидела на затоптанном полу свои рейтузы и подняла их. Вытряхнула, надела на ноги, непослушными руками, удерживая резинку сквозь одежду, натянула их на талию. Поправила чулки, надела туфли и стала развязывать веревку с правого предплечья.

Он скомандовал:

– Пересядь к столу.

Она не двигалась.

– Что, голуба, понравилось? Жаль от топчана задницу отрывать? Хочешь продолжить?

Софья вздрогнула, встала и пересела на табурет, приколотенный к полу перед столом.

– Видишь, часа два я учил тебя уму-разуму, и уже слушаешься. Через недельку шелковой станешь, – при этих словах он подошел к столу, сел на свой стул, повернул свет на арестованную и продолжил, – Теперь не спеши излагай, что молла в ярости своей непотребное о щите и мече нашей партии. Надеешься, я мимо уха пропустил? Нет. Чекист – он, даже когда бабу имеет, все одно на чеку остается. Ха, ха-ха-ха, – радостно загоготал он довольный своим каламбу-

ром о чекистах на чеку.

Она сидела, понуриив голову, и молчала. Но он был уверен, что долго ей упрямиться не удастся. Поняла, как здесь могут обойтись с ней. Что захотим, то и сделаем. Напугана до упора. Чуть надавить ещё, и выложит все, что он захочет. Расскажет, что надо и чего не надо. Можно теперь и по-хорошему попробовать. Отвел луч света от её лица и как можно доброжелательнее предложил:

Фото постановки «Допрос в следственной тюрьме НКВД»

– Ты вот что. Перестань губы дуть. Нам ещё твои показания надо успеть записать, а время позднее. Да и тебе, небось, в камеру вернуться уже не терпится. А за то, что попользовался тобой, ты не больно обижайся. Теперь тебе ко многому привыкать придется. Себя можешь успокоить тем, что хороша – прямо мрак. Это я тебе авторитетно заявляю, как мужик бывалый. Тебе же опыта полезного пора набираться. Небось, кроме буржуев своих ни хрена не видела. Сегодня тебе считай, повезло, настоящий пролетарский хер попробовала..

Софья Ильинична всхлипнула, плечи её затряслись, из-за плотно сжатых губ послышалось подобие истерического хихиканья. Фрол удивленно поднял брови:

– Ты что это, голуба, не умом тронулась? Что смешного я сказал?

– Носитесь вы все, в последние годы, со своим происхождением, как дурень со ступой, а куда деть его – не придумаете. Можешь хвастать перед своими – ты решил задачу эпохи! Нашел место для пролетарского происхождения! Оказывается, место ему у бабы в гузне. Самый раз. Сколько не ищи – лучше не придумаешь!

От такого святотатства у Фрола глаза полезли на лоб. Он побледнел даже. От неё, от сломленной и осторожной он ждал раскаяния, но никак не таких, хамских, не обдуманых, а тем более антисоветских заявлений. Между тем она уверено и твердо продолжала:

– Что вытаращился? Так с тобой другие не говорили? Место, конечно, ты подходящее подыскал своим пролетарским воззрениям, но ты и не пролетарий даже. Ты только по шкурным соображениям прикидываешься пролетарием. Далеко тебе до них! Мужлан ты неотесанный, деревенщина стоеросовая! В органы выбился тем, что из голодранцев деревенских. Небось, бегал раскулачивать помогал. И в бедняках ты оказался наверняка потому, что лодырь и неумеха! Пропил, небось, все, что в доме было, да на девок тратил на продажных и таких же непутевых.

Собравшийся было осадить зарвавшуюся бабу, он опешил. Обличая его, она как в святыцы глядела. Действительно, он стеснялся того, что был из крестьян, а не из рабочих. Суцая правда, что их отец пропил, промотал все добро. Затем бросил их с матерью – живите, как знаете, а сам с сельской гулящей вдовой завербовался на Донбасс.

Работа отца на шахте давала Фролу право писать в анкетах – сын рабочего. Потом отец сошелся с донской казачкой, но через месяц его зарезали в пьяной драке. Фрол вытравливал из памяти свое деревенское прошлое, не любил родителей. Он так же, как и Иван, вначале тоже стеснялся своего невежества, но постепенно усвоил политические лозунги момента, любил к месту и не к месту употреблять модные городские слова. Благодаря природной бесцеремонности и наглости, почувствовал в органах себя уютно и уверенно. В кругу товарищей и подруг стал даже чваниться

теми полномочиями, которыми его по службе наделила советская власть.

А она продолжала:

– Мой Иван – вот настоящий пролетарий! В семье рабочей родился и вырос. Сам в рабочих походил и до службы в Красной армии, и после. Но он своим происхождением не козырял, не использовал его как довод, насилуя женщин. Ты нарост, короста на теле народа нашего многострадального! Веками Российская империя славилась умными, сильными и честными. Люди у нас терпеливые, сердобольные, легко прощающие обиду благодаря широте души русской. А вы, горстка хамов, присвоили себе право распоряжаться их судьбами. Чей дьявольский план вы воплощаете, не знаю. Но ясно, что делами своими подлыми вытравливаете все лучшее, что есть у народа нашего!

Он попробовал остановить безумную проповедь, но она словно парализовала его волю и остановила готовый вырваться из глотки мат выставленной вперед ладонью.

Гневно и с пафосом Софья продолжила:

– Сколько лет уже вы с корнями, подчистую, уничтожаете на Руси лучших её людей? Уничтожаете настоящих мужчин, их жён и детей. Я точно знаю, Иван ничем не провинился ни перед людьми, ни перед Родиной нашей. Вы его преднамеренно в преступники записали, и убить намерились. Меня оболгали. Преступница за то, что сутками без перерыва на работе, преступница за то, что к родне съездить

решила, преступница за то, что сама кусок колбасы и масла не съела, а больному повезти хотела! Все вы с ног на голову поставили. Не я – ты преступник. Угробить меня решил. Чтобы я за детворой малой не ухаживала, пока их мамки самолеты для Красной армии красят. Чтобы Иван больше не смог самолеты строить. Не Иван вредитель, а ты и сво-ра друзей твоих блудливых режете крылья нашей Красной армии, в то время, когда она больше всего в помощи нуждается.

– Ты тут нагородила на расстрел на месте. Прямо в моем кабинете позволяешь антисоветскую пропаганду. Прав товарищ Сталин, сколько бы буржуи не маскировались под правильных граждан, нутро у вас буржуйским завсегда остается.

– Ты не прячься за слова вождя. Сам раскинь своими мозгами куриными. Или здесь, у вас сразу, уже при поступлении на службу думать запрещают? Посмотри, грянула беда, и поднялся народ, как во времена Минина и Пожарского. Но вас это не удовлетворяет. Вам надо все втиснуть в рамки своего понимания примитивного – вот и ломаете судьбы людские. Поинтересуйся, сколько с завода ушли добровольцами защищать тебя, мерзавца. Пошли на фронт люди образованные, культурные, не только пролетарии, не бывшие батраки, а в основном настоящие интеллигенты. У любого голова способна такие задачи решать, с какими и сотня балбесов, вроде тебя, не справится. Но и здесь вы свои

затеи дьявольские воплощаете. Лучшие люди, которые всё привыкли делать по совести, они и воевать будут по настоящему и погибнут первыми, а такие вот насильники выживут в тылу и расплодятся. По мне бы, так лучше бы они самолетов больше и лучших делали, а вот тебя, жеребца, отправить на фронт бы следовало. Так нет, тебе храбрости не хватает в открытом бою с врагами сразиться. С женщиной связанной ты мастер справляться. На это у тебя храбрости хватает. Мужей наших под расстрел подводит тоже никакого ума не требуется.

Фрол даже зажмурился, пытаясь не видеть её решительного лица, и подумал: "Черт дернул меня выдумать про расстрел Ивана. Думал присмирееет, а она разъярилась, как собака цепная кидается. Того и гляди глаза выцарапает или в глотку вцепится».

Насупившись, хмуро заявил:

– На меня можешь что угодно переть. Но Партию нашу, органы, призванные с оружием защищать политику Партии и Правительства, ты не тронь. Я могу самолично перегрызть тебе горло твое хлипкое за такие речи. Какое такое у тебя право есть наводить критику на Сталинский блок коммунистов и беспартийных? Ты всю жизнь паразитируешь на шее у рабочего класса, как вша тифозная. И тут же вредные слухи распространяешь про власть трудящихся и крестьян. Учти, никакая твоя пропаганда не поколеблет нашу революционную бдительность и не выбьет

из-под Сталинского знамени.

– Я хочу сказать, что...

– Заткнись, дура. Ты уже столько сказала, что на пятерых много будет.

– Я не о себе, о тебе скотине говорю, что...

– Кому сказал, заткнись, – он выбежал из-за стола, подскочил к арестованной и угрожающе занес кулак над её головой. Софья Ильинична замолчала. Чувство страха вновь постепенно стало окутывать её сознание.

Фрол молча вышагивал по кабинету. Допрос повернулся в совершенно непотребное русло. Надо брать вожаки в свои руки. Не получу сегодня признаний, так напугать как следует надо. А к следующему допросу готовенькая будет. Со всем голову задурила своими бреднями – аж виски ломит. Не соображу даже, что дальше делать. Вдруг его осенило. Выгляну в коридор, громко позвал:

– Конвой в шестой кабинет!

Через пару минут в кабинет зашел запыхавшийся красноармеец.

– Присмотри за ней, – приказал следователь и вышел.

Минут через пятнадцать он появился с грузным, лысеющим мужчиной в военной форме с малиновыми петлицами. Фрол принес с собой стул, предупредительно поставил его рядом со своим и пригласил пришедшего:

– Присаживайтесь, Иван Сергеевич. А ты можешь идти, – кивнул красноармейцу.

Пришедший тяжело сел и предложил Фролу:

– Садись сам, в ногах правды нет.

Следователь осторожно присел на стул и кивнул головой на сидящую напротив испуганную женщину:

– Вот, полюбуйтесь. Прямо в нашем здании проводит со мной пропаганду вражескую, высказывает всяческие буржуазные тенденции, распространяет слухи, порочащие наши органы.

– Да, ты прав, милоч. Полюбоваться здесь и вправду есть чем. Что же ты прячешь от начальства такую красоту?

– Иван Сергеевич, в этой башке смазливой сколько мыслей вредных собралось, что на красоту её и глядеть тошно.

– Ну, это ты брось. Вредные мысли каленым железом выжигать надобно. А красотой любоваться трудовому человеку не возбраняется. Даже полезно красотой отдых душе и телу устраивать.

– Говорил ей. Себе хуже делает. А у неё как возжса под хвост попала – понеслась вскачь по буеракам – не остановишь.

– Давай мы так решим. Это дело я у тебя забираю. Сам с ней разберусь. Тебе, красавица, пока отдохнуть можно до завтра. Сегодня я занят, а завтра – милости прошу на дорос. Вызывай конвой, – приказал он Фролу.

В камере Софья Ильинична дала волю слезам. Поплавав, вновь обрела способность четко мыслить и трезво рассуждать. Значит, Ваню на днях расстреляют. Меня то-

же теперь убьют обязательно. Только произдеваются сначала. Следовательно специально привел того, который на женщин падкий. Ничего только у них не выйдет. Не доставлю я вам больше такого удовольствия, козлы противные. Обидно, Люсю повидать ещё разочек не смогла. Даст Бог, наладится у неё все. Девочка она смышленная, многое втолковать ей все же успела, хоть и спешила тогда. Мать божья, заступница наша, пошли ей удачу и счастья большого. Пусть живет и радуется и за меня грешную, и за Ванечку несчастного. Молила у Бога жизни здоровой и счастливой для дочери. Каялась за те обиды и неприятности, которые вольно или невольно доставляла родителям и родственникам. Слава проклятия своему насильнику и всему роду его.

Думала: «Мне медлить нельзя. Они ночами здесь допрашивают. Сказал завтра, а вдруг сегодня опять поведут. Надо торопиться». Приняв решение, она споро взялась за дело. Мысли ясные, каждый шаг четкий. Сначала выдернула нитки и отвернула рубец на подоле платья. Затем зубами надрывала материю и раздирала на длинные ленты. Сложила ленты в полосы и свила прочную веревку. Затем хорошо смочила веревку, над парашей, собственной мочой и очень старательно намылила.

Во время всей этой работы она тихонечко плакала и молилась всем святым, которых знала. Молила себе прощения за то, что решила взять такой грех на душу. Поясняла Всевышнему, что не по своей воле это сделает, а по принуж-

дению палачей своих. Просила Господа помиловать Ивана, даровать ему жизнь и свободу, выволить из тюрьмы неза- служенной.

Веревку привязала к верху оконной решетки. Петля была высоковата и в стороне от нар. Забралась на верхние на- ры. Спокойно надела петлю на шею. Проверила, хорошо ли скользит намыленная веревка. Посмотрела в окно. Небо на- чинало светлеть от утренней зари. Слезы туманили взор. Хотела перед смертью мысленно попрощаться со своими близкими. Тяжело и протяжно вздохнув, начала осторож- но спускаться на нижние нар, чтобы, простившись, от- туда сделать последний шаг во имя спасения своего досто- инства.

Спускаться было неудобно – веревка ограничивала свобо- ду, приходилось держаться за край верхних нар вытянуты- ми на всю длину руками и сильно наклонять туловище в сто- рону окна. В этот момент ноги сорвались с опоры, и она попыталась подтянуться на руках. Веревка сдавила шею. Софья Ильинична удивленно ойкнула, разжала руки, и пет- ля с хрустом сдавила горло. Она так и застыла с удивленно повернутой влево головой и широко раскрытыми глазами.

Учительницу нашу звали Наталья Ефимовна. Класс нахо- дился не в старинном кирпичном здании, а в послевоенном, построенном из дубовых бревен, мазанных глиной. Толь- ко полы в старинном здании были деревянные и крашеные, а в нашем здании полом служила доливка, такая же мазанная

кизяком, как и в наших хатах. Стены этого здания к началу занятий слепили белизной. В классе и в коридоре стены тоже были тщательно побелены, но побелка одежду почти не пачкала. Мы даже руками пробовали по стенкам тереть, и руки оставались чистыми. Мама потом пояснила, что стены школы белят не мелом, как в наших хатах, а какой-то известью. Известь оказывается хоть и белая как мел, но одежда об неё почти не пачкается, вроде как желтая глина, которую приносят с охрового завода, и красят стенки над русской печью и лежанкой, чтобы не пачкались.

Класс большой, а вдоль его длинной стены три окна. Окна не такие как в хатах, а шире, и очень высокие, но ставней снаружи нет. Другая длинная стена отделяла класс от узкого коридора. На ней висели какие-то картинки интересные, карты, листы из толстой бумаги с написанными крупными буквами и цифрами. Каждый из этих листов и картинок вверху были закреплены между двух тоненьких реечек, а к реечкам были привязаны веревочки. За веревочки все это богатство и было развешено на длинных заводских гвоздях, вбитых вдоль всей стены. На задней стенке ничего не было. К ней вплотную прислонялись спинками задние парты. Посредине передней стенки висела большая черная доска, с полочкой внизу для тряпок и мела. В углу у окна стояли счеты, но не такие, как в конторе, а большущие, на высоких ножках. В этом же углу, вплотную к передней парте находился стол, за которым сидела наша учительница.

Старая школа. Выпуск 1939 г. В 1 ряду крайняя справа
моя мама

Парты стояли в три ряда, проходы между рядами были такие узкие, что двоим трудно разминуться. За партами сидели по два ученика. Все говорили, что теперь в школе стало просторней, потому что после войны построили второе здание. А до войны, когда было только одно, кирпичное, которое называют почему-то церковным – за каждой партой сидели по три и даже по четыре ученика. Зато и учителей теперь требовалось больше. Наша учительница Наталия Ефимовна занималась сразу со всеми учениками четырёх начальных классов.

Класс сельской школы. Фото из time.tom.ru

Нас всех, кто в этом году пришел в школу в первый класс, усадили за те парты, которые стояли вдоль окон. На остальных партах сидели старшие ученики. Среди них и совсем большие, которые должны были начинать учиться в войну или сразу после войны, но по разным причинам пошли в школу после. Особенно большими были цыганские парни. Цыганам теперь запретили кочевать, и их заставляли работать в колхозах. У нас в селе тоже теперь жили цыгане. Им отдали две хаты, в которых после войны никого не осталось.

Так они жили по несколько семей в каждой хате. Люди говорили, что у них даже кроватей нет. Спали и взрослые и дети на доливке, на перинах. Даже зимой.

В нашем ряду, на последней парте тоже учился один цыган. Он уже третий год начинал ходить в первый класс. До зимы доходит босиком, а зимой босиком холодно, да к тому же и жили они далеко от школы. Он и бросал учебу. За зиму все забывал, чему учили, и опять начинал все сначала. Мне кажется, я бы не забыл за зиму ничего. Меня вон Лидка выучила буквам, и я их не забыл. Зато этот наш цыган был сильным и смелым. Он сидел на задней парте, а на первой парте сидела самая маленькая в нашем классе девочка Соня. Так он всегда заступался за неё. Сама Соня маленькая, а коса у неё длинная – длинная. Её и дергали на переменах за эту косу. Наши не обижали её, а старшие и за косу дергали, и толкали, и плаксою дразнили. Щипнет одна из старших девок нашу Соньку, та сразу в слезы, а другая из старших тут как тут. Ладонки приставит к ушам, язык высунет и дразнится:

– Плакса-вакса, плакса-вакса! Под столом бы дома гуляла, а ты в школу приперлась.

Наш цыган сразу же налетал на обидчиц, и задавал им трепку. Если пацаны из старших классов заступались за своих одноклассниц, он все равно не отступал и доказывал, что Соньку ни за что обидели. Даже если большие хлопцы пробовали ему дать по шее, он и тогда огрызался, царапался, кусался и пробовал заехать обидчику кулаком прямо в глаз.

Поэтому даже большие, хоть и били его больно, если придётся, но говорили:

– Ну его, этого придурка, он в драке никакого порядка не придерживается. Глаза из-за него лишаться или уродом становиться нет никакого резону!

Учиться было интересно. Трудно только прописи писать – там морока ужасная. Все линеечки и крючочки строго-на-строго по косым линиям, и за строчку нельзя вылезать. А ещё нажим обязательно соблюдать там, где требуется. Мне вроде бы должно легче других. Мама мне из конторы перья для ручки приносила самые хорошие и расписанные уже, чтобы бумагу в тетрадке не царапать, и чернила в чернильницу всегда правильной густоты наливала. А многие ребята в классе и даже девка Нинка Моторина прописи писали лучше меня.

Мама говорила, что я невнимательный и не стараюсь. Потому что пока она рядом сидит и подсказывает, куда линию вести, и когда нажим делать сильнее, у меня неплохо получается, а в школе одни каракули выходят. Я же думал, что это все от чернил. Дома я хорошими чернилами пишу, конторскими, а в школе у меня чернила большие пацаны забирают себе, и наливают из классной бутылки жидких чернил. А все знают, что в классной чернильной бутылке чернила не настоящие, а сделаны из стержней химического карандаша, растолчённых в воде. Они и жидкие очень, и кляксы от них с перьев срываются постоянно. Но мама ж просто так не всегда

верит!

Я говорю ей:

– Всё от того, что Вы, мама, мне чернильницу красивую подарили к школе. У всех простые, стеклянные. Из них чернила не выльешь. А мою раскручивают и выливают.

– При чем тут чернильница? Я тебе говорю, внимательно нужно писать, стараться и не спешить. Сосредотачиваться на каждой букве, на каждой черточке.

– И тяжелее она, – вспомнил я ещё один довод, призванный избавить меня от каменной чернильницы, из-за которой приходится выслушивать столько упреков, – я когда в школу иду, так у меня аж шнурок в руку врезается.

– Сынок, а мне кажется, ты пробуешь поменять наш разговор. Я тебе про старания и про прописи отвратительные в тетрадке, а ты мне про чернильницу и про шнурок от сумочки чернильной. При чем тут это?

– Ну как Вы не понимаете? Я ж говорил уже, что в классной бутылке чернила с кляксами, а у меня пацаны хорошие забирают и классных наливают. Ещё и наливают не по мерке, а так, что все перо тонет. Поэтому и прописи плохие!

– Ну уж нет, на чернила не сворачивай. Мы сейчас вдвоем внимательно посмотрим, как ты писал этими чернилами, – повысила голос мама, подвигая к себе тетрадь, – далеко листать не будем. Вот глянь, как ты сегодня позорил нашу семью!

– Я ж и говорю – чернила! – приходилось мне доказывать

свое, уже со слезой в голосе.

– Э нет, чернила здесь не причем. Я за эту кляксу говорить не собиралась. Хотя если бы перо только кончиком в чернильницу макал, то и кляксы не было бы.

– Чернила там жидкие очень, вот кляксы и соскакивают.

– Ладно, Бог с ней, с кляксой. Давай посмотрим, как писал. Смотри - вот, и вот, и вот здесь везде линии не по расчерченному. А у буквы «д» петли чуть не до соседней строчки достают. Вот буквы до верху не доводил, а тут крючочки до низу не дотянул, а на целую спичку выше загнул.

– Мам, а как это на спичку?

– Не хитри, не увиливай от разговора. Лучше попробуй объяснить, в чем вина чернильницы или чернил жидких, что ты так плохо писал?

– Ну, я ж правда-правда старался очень и нажимы делал, как учительница говорила нам!

– Давай и про нажимы забудем. Давай сейчас вместе разберем, чья вина в таком плохом написании этих прописей. Так кто же или что виной всему, вот этим каракулям? Как ты считаешь?

– Просто у меня Дэ совсем не получается.

– Вот видишь, одно уже мы с тобой и выяснили. Буква «д» не получается, а что не получается или трудно дается, мы договорились, дома дополнительно учиться писать. А дальше, по вот этим и этим каракулям что скажешь? Тут что мешало?

– Ну, это я как-то немного не заметил, что не туда пишу. Но я все время старался! – как можно убедительней заверял маму, и сам верил своим заверениям.

– Нет, сыночек, – ласково, но настойчиво утверждала мама, – давай с тобой договоримся, что такая вот писанина получается у тебя, когда ты пишешь невнимательно, и не сосредоточиваешься на том, что пишешь! Ты согласен с такой оценкой?

– Согласен, конечно, что и не совсем хорошо постарался, но и с чернильницей тоже что-то делать нужно, – стараясь достойно выйти из неприятной ситуации, я кивал головой, надеясь, что и она поймет мои доводы.

– Ну, вот и хорошо, – она нагнула мою голову к себе и поцеловала в макушку, – да, чуть не забыла, а когда говорят на спичку выше или толще, или тоньше, то имеют в виду, что на немного. Совсем на чуть-чуть. Сбегай, принеси из пачки коробок спичек, и мы посмотрим, на спичку ли у тебя крюпочки выше.

С чистописанием у меня так, как маме хотелось, ничего не получилось. Ей очень хотелось, чтобы я научился писать красиво-красиво. У неё был самый красивый почерк в канторе. Поэтому ей всегда доверяли подписывать «Почетные грамоты», писать протоколы после заседаний и собраний и отчеты в район начисто переписывать. Она мне про всё это рассказывала, говорила, что ей стыдно за мои каракули. Мне тоже было стыдно. Я почти все время помнил, что нуж-

но стараться, но все равно у меня буквы получались не слишком хорошими. А мама наверно согласилась, что прописи мне трудней писать с плохими чернилами, или ей надоело постоянно приносить из конторы хорошие чернила, но вскоре она купила мне простую стеклянную чернильницу-невыливайку. Через неделю она у меня нечаянно разбилась и залила чернилами все тетради. Мама хоть и сказала, что каменную-то я уж точно не разбил бы, но опять купила невыливайку. А каменная стояла у нас дома, на столе в вэлыкихати, из неё писали взрослые, когда им требовалось написать чернилами письмо или ещё что-нибудь. Я же теперь и в школе, и дома писал из простой стеклянной чернильницы.

Учеба меня не слишком увлекала. Если бы не мамины старания, и не боязнь подвести её в надежде видеть меня лучшим учеником, не боязнь опозорить свою уважаемую среди соседей семью, наверное, имел бы я совсем плохие оценки.

Счет и арифметика мне давались лучше, а буквы, чтение, заучивание стихов, чистописание я не любил, и мне они плохо давались в обучении. Особенно не любил учить стихи. Мало того, что запоминать нужно было все слова в том порядке в котором они записаны, так мама добивалась, чтобы я ещё и пояснял, о чем стихотворение, да ещё и пересказывал, выделяя те главные слова, которые были почти в каждой строчке. Это называлось почему-то «читать с выражением».

Чтобы развивать мои читательские способности, мама всякий раз, как только попадала в Митрофановку или в Рос-

сошь, покупала мне новую детскую книжку с картинками. Я быстро и с огромным удовольствием прочитывал эти книжки. Я читал их запоем и с удовольствием. Потом она заставляла пересказывать то, о чем прочитал. Удивлялась, что правильно понимал все прочитанное, хвалила, что неплохо запоминал содержание даже длинных рассказов. Но не могла понять, почему у меня невысокие оценки по чтению. А мне не хотелось ей объяснять, что вслух читать человеку намного сложнее.

Когда читаю молча, слова до конца не дочитываю, и так становится понятно о чем написано, поэтому получается быстро и интересно. А когда вслух читаешь, особенно на уроке, все буквы приходится до конца дочитывать, да ещё и следить чтобы слово получалось таким как написано, а не таким, как я его привык понимать. Получается и медленно, и трудно, так, что порой пока предложение до конца дочитаешь, то уже и забываешь о чем в начале было написано. А мама этого не понимала. Сердилась. Но я специально не хотел ей всё объяснять, потому, что она бы заставила меня и молча читать все буквы и слова запоминать так, как они пишутся, а не так, как мне читать было удобно.

А летние каникулы приносили огромное наслаждение. На каникулах мы работали в колхозе. Когда я закончил первый класс, и встал вопрос о выборе работы на лето, бабушка начала возражать, но мама и дедушка сразу же вдвоем накиннулись на неё. Говорили, что нечего мне от других выде-

ляться, и даже доказали, что на работе мне будет интересно и даже полезно.

На первых летних каникулах меня определили на свинарник. Хотя те, кто там работали, называли его по другому. Это я узнал в первый же свой рабочий день. Пришел я тогда на работу к семи, как и полагалось, а меня там никто не ждал и не встречал. Увидел Надю, жену моего троюродного брата Шурика, с трудом тащившую через грязный двор два металлических ведра доверху заполненных кашей из размолотого зерна, и спросил у неё:

– А где тут у вас сидит заведующий свинарником Митрофанович?

Она остановилась, наверно обрадовавшись возможности передохнуть, и не спеша пояснила:

– Ты больше ни свинаркам, на фуражирам, которые здесь работают, и даже пастухам временным не называй свиноферму свинарником – обидятся сразу!

– Да у нас все его свинарником называют и в колхозе тоже...

– А нам Митрофанович говорит, что свинарником люди называют то, где грязь и бардак. А у нас во всех корпусах всегда чисто, и порядок везде!

– Смешно как-то.

– Корпуса – это вот эти 5 зданий. От Ривчака маточный корпус, а остальные откормочные. А это вот, где мы болтушку берем, называется кормокухней, а рядом с ней красный

уголок!

– Постой. Ты тут нагородила всякого, я и не понял, и не запомнил. В маточнике что у вас, матерятся?

– Дурачок! Маточник, потому что там свиноматки поросят рожают и живут там с ними по месяцу. Молоком своим кормят их. Они же мамы, поэтому и корпус маточный.

– Ну, это ладно, а почему вон то ты так назвала? Оно же не красное и не уголок совсем, а хата!

– Ты наверно не поймешь ещё, ...так теперь называют в колхозах и на производстве те места, где люди от работы отдыхают, где им объясняют всё, ... учат и где... развлечения – всякие там шашки, ... газеты, лозунги, ...патефон... и собрания конечно...

Пока мы с ней говорили, мимо нас все время сновали женщины с ведрами, а две даже пронесли кашу в глубоких жестяных носилках. Видно, услышав последние объяснения Нади, к нам вплотную подошла полная, вспотевшая и натужно дышавшая тётя, резко поставила свои ведра и, пока моя собеседница подбирала слова для описания этого самого уголка, она перебила её:

– А ты, Надька, и в кормёжку, видно, отдохнуть не стесняешься? У людей вон глаза на лоб лезут от натуги, а она прохлаждается!

Я посмотрел на тетю. Глаза у неё были на месте, а лицо красное и сердитое. Надя смутилась и пояснила:

– Да вот родственничек, тетин Ксенин сын, пришел, вид-

но, пастухом направили. Объяснила по-быстрому, что здесь и как. Он Митрофановича ищет.

– А чё его искать? Пусть идет в «красный уголок», тот сам, кого нужно, найдёт и определит.

– Ну, беги, – сказала Надя, – а то мне неловко перед то-варками.

«Красный уголок» даже снаружи не был похож на большую сельскую хату. За небольшими сенями было две комнаты. Прямо напротив входа можно было открыть дверь в небольшую комнату, и я заглянул туда. Там вдоль стен стояли двухъярусные нары. На этих нарах, головой к стенке, прямо в одежде спали двое мужчин и три женщины. Мужчины на верхнем ярусе, а женщины на нижнем. А рядом с нарами стояли их сапоги, на которых были развешены для просушки портянки. Поэтому в комнате пахло не слишком хорошо. После я узнал, что утром дают по 3 часа времени отсыпного тем свинаркам, которые ночью опорос у свиней принимают, и тем фуражирам или ездовым, которым приходила очередь ночной охраны. Я сразу сообразил, что здесь делать нечего, потихонечку закрыл дверь и пошел в большую комнату справа, в которую не было даже двери, а вел широкий, от одной стенки сеней до другой, проход.

В этой комнате было много окон, стояли сколоченные из струганных досок столы и длинные скамейки. Вдоль глухой стены две железные кровати с матрасами, покрытыми тонкими одеялами. За сдвинутой брезентовой занавеской,

в углу, стоял ещё один маленький стол и табуретка, и полки на стене сбоку от стола. На длинных столах лежали стопки сшитых газет, какие-то книжечки тонкие, картонные шашечные доски, и шашки лежали кучками. И патефон с закрытой крышкой, а на нем конверты с пластинками. На одной кровати полусидя, полулежа, дремал усатый пожилой дядя, а за столом щелчками сбивал шашки с клетчатой шашечной доски другой дядя, совсем молодой.

Я тихо поздоровался и спросил:

– Из Вас никто не Митрофанович?

Молодой дядя засмеялся, а усатый, не открывая глаз, буркнул:

– Сами его ждем, сейчас припрется. А ты садись на лавку, не мельтеши здесь.

Я прошел к столу и сел на одну скамейку с молодым дядей. Он повернулся ко мне и тихо спросил:

– Хошь в Чапаева со мною сыграть? Если будешь, садись напротив!

Я замотал головой и тоже шепотом пояснил:

– У меня плохо в Чапаева получается, да и не хочется.

– Ну, дело твое.

Не успел мой сосед повыбивать все шашки с поля, как зашел плотный и в чистое одетый мужчина, в котором я сразу угадал Митрофановича. Он прошел в угол, уселся на табуретке и негромко, но строго спросил:

– А тут у меня, что за курорт? Чего ждёте?

Я встал с лавки, подошёл ближе к его столу и, сглотив слюну, приготовился объяснять, кто я и зачем пришёл. Но меня опередил дремавший на кровати дядя:

– Постой, пацан, сначала мы разберёмся! Митрофанович, нас за зерном к коморям занарядили, а на лошадях никак не выйдет оттуда его возить! Туда-то мы поднимемся, хоть гора и крутая, но кони справные. А назад как? Мы и коней угробим, и зерно прахом пойдет по всей горе! На таком спуске и волю вряд ли удержат воз с зерном! А конями ни за что не удержать! Понесут от самого верху!

– Что ж это за ездовые такие пошли, что с горки на своих конях съехать боятся?

– Ни хрена себе горка! Гора в эту сторону и большущая, и крутая очень! Так ещё и груженные ведь!

– Ладно бы Витька боялся! А ты какой год на этой паре едешь?

– Да меня вот только весной, как снег начал таять, за ними закрепили, я даже в санях на них не ездил ни разу.

– Хороший ездовый и за такое время может своих лошадей кое-чему обучить...

Митрофанович откинулся на табуретке, оперся спиной об стенку и уже не строгим голосом продолжил:

– Вот я в молодости, на хозяйских конях, столбы дубовые возил на роспуске два месяца, по 6—7 штук. В Бабичевом лесу в яр спускались к дороге. Там такая крутизна, что и пешком не пройдешь. А я на лошадях! Не поверишь...

до того тормозили, что аж на хвосты садились, хомуты трещали, но ни разу не понесли! Но мы с этими конями понимали друг друга, как люди, хоть тогда ещё пацаном был. Я им так доверял, что при спуске никогда даже с роспуска не слезал. Другие ездовые пешком шли, за узды коней своих держали, и то у двоих было, что не удержали коней. Так у дедка одного только роспуск разбился, да брёвна раскатило. А в другой раз у мужика горянского понеслись: так его барками задело, и кобылу правую сбило на землю, и ногу заднюю ей всю раздробило колесом и дубками потом ещё сверху!

– Так тут дело не только в талантах, а ещё и опыт должен быть, – возразил ездовой. – Вот Вы ещё у хозяев при лошадях состояли. А у нас дома и до колхозов своих коней не было, и на хозяйских не пришлось. На колхозных тоже, что до войны не работал, и после не приходилось. В этом году только посадили на подводку.

– Ладно, это я так с вами, для разъяснения. Раз уж ты без опыту, то Витька тем более по молодости не съедет гружёный. Поэтому подниматься к коморям будете с этой стороны, а гружёными спускайтесь на ту сторону вдоль Ленкиной кручи. А потом селом сюда, на кормокухне выгружайте в закрома. Ведра у свинарок возьмете!

– А нам что, и выгружать самим?

– Нет, я вам слуг приставлю! – с ехидцей пояснил Митрофанович, – да смотрите, селом ездите, а не Вербами. А то

чёрт дернет пару ведер фуража припрятать в вербах, и под статью загремите. Людей и так в колхозе кот наплакал, да ещё и вас повяжут!

– Митрофанович, а можно я на своих попробую сюда спуститься? – спросил дядя Витька, – а то с той стороны считай пол села кругом объезжать!

– Если у твоего деда и у мамки есть чем рассчитаться за воз зерна – можешь попробовать! А ежели нечем, так возите, как сказал, – нахмурил брови Митрофанович.

И потом, подобревшим голосом добавил:

– А коней, если хочешь к себе приучить, чтобы понимали, чего ты от них хочешь, так приучай постепенно. Сначала с крутизны порожняком спускайся, и кол крепкий приготовь, колесом задним затормозить, если не удержат, чтобы они в тебя тоже верили! Понял?

– Понял! Я при случае попробую!

– Лады! А случай такой сразу тебе обеспечу. Последним рейсом зерном не грузись, а корыта заберешь. Там плотники сбили два длинных, для откормочных. Они хоть и громоздкие, да легкие, вот и попробуй с ними спуститься, только осторожней!

Ездовые поспешили на выход, а Митрофанович начал рассматривать какие-то бумажки и, наверно, забыл про меня. Я чуть-чуть постоял и нарочно покашлял немного. Он улыбнулся, не отрываясь от бумаг, и пояснил:

– Ты, парень, не семафорь, что ждешь, я вижу. Сейчас вот

с этой заморочкой разберусь и побеседую с тобою, как мужик с мужиком.

Бумагу он читал долго, а закончив читать, встал и быстро направился к выходу, но потом, глянув на меня, вернулся и, положив руку на голову спросил:

– А ты что, в пастухи, наверно, на лето?

Я молча кивнул головой. Митрофанович приподнял мою голову за подбородок и, присмотревшись, заявил:

– Что-то не распознаю, чей ты?

– Я Орловых внук, Женька.

– А-а-а, понял, Ксении Стефановны сынок значит! Ну, знаешь, Женька Орлов, на работу ты припозднился сегодня. Пасем мы свиней летом по холодку. Выгоняем в 6 утра, а которые и раньше даже выгоняют. Зато потом, как только солнце припекать начинает, все стада сюда, под навесы и в корпуса, возвращают. Только если дождик или пасмурно, тогда пасут до обеда.

– Так я ж не знал. И дедушка сказал, что на этот Ваш свинофермик к 7 часам люди ходят.

– Правильно все Стефан Исаевич пояснил, про колхозников, а вот пастухам, видишь, другой режим выпадает.

– А что ж теперь будет?

– А будет, что тебе сегодня день не засчитается, можешь домой возвращаться. А после обеда сходи на своей улице хоть к Кудиновым, хоть к Калькам. Договорись с их парнями завтра вместе на работу идти. Вместе оно и веселее, и не про-

спишь. А пасти будешь разовых свиноматок с Зинкой Дерюгиной, а то она уже второй день их выгоняет без напарника, одна бегаёт и не управляется. Понял?

Я опять закивал головой в ответ.

– Ну, давай, беги домой, – велел Митрофанович и первый направился к выходу.

Но потом остановился и сказал:

– Хотя если пойдёшь не улицей домой, а вербами, так за гуртом¹ увидишь Зинку со стадом. Можешь помочь ей стадо пригнать, а заодно она и расскажет тебе, что да как.

Со следующего дня на работу я не опаздывал. Пасти свиноматок было интересно. И мы с Зинкой никогда не ругались. Она старше меня намного – в этом году перешла в седьмой класс. Пасет она этим летом уже третий год. Всё знает и ко всему привыкла. Поэтому я все делал так, как она говорила.

Пасти наше стадо было не очень сложно.

Пацанов с нашей улицы закрепили за стадами поросят. Так они от самого загона начинали бегать за этими пронырами, и не останавливаются до тех пор, пока назад не пригонят своё стадо. Поросята, они и на лугу стада не придер-

¹ # **гурт, гуртовка** – небольшая площадка на поле или на лугу. С вытопанной травой, с утрамбованной копытами землёй, на которой гуртуют коров, или быков, или волов, или телят (другие виды скота не поддаются гуртовке). Гуртовать скотину – это собирать скот в очень плотное стадо и не позволять ему выходить из гурта. В этой обстановке животные сразу же начинают ложиться и могут долго и спокойно лежать, пережёвывая жвачку.

живаются, мечутся какой куда. Если один пасется, то другие дерутся, или вперёд бегут, или назад норовят вернуться.

Наши же Хавроньи и до пастбища идут степенно, от стада не отбиваются, и на лугу спокойно пасутся. А если какая вздумает отстать или в сторону побредёт, так её недолго и повернуть в нужном направлении. Сложнее было, когда солнце начинало припекать и становилось жарко. Свиноматки тогда старались пробраться к воде. Особенно хитрящей была Курносая. Мы её так прозвали из-за рыла её задранного. У всех морды как морды, а у этой даже на морде хитрость была прописана. Хоть как за ней следи, а она по жаре все равно в Ривчак залезет или в грязь вдоль берега устроится барложиться. Бывало, заметим, что она норовит к воде удрать. Я стану перед ней и не пускаю. Так она специально прямо на меня как попрёт – стегаю её прутом, стегаю изо всех сил, а она все одно бежит к воде. Изогнется всем телом под моими ударами, а сама только быстрее бежит, и не завернешь её назад. Да я и не очень старался вернуть Курносую назад. Ведь было видно, с каким удовольствием свиньи купаются в ручье или барложаться в густой и теплой грязи.

Один раз я даже уговорил Зинку запустить всё стадо в Ривчак, чтобы свиньи всласть накупались. Пока наши подопечные барложились в грязи и рыли низкие берега своими пятаками, делая новые замесы грязи, я тоже залез в воду искупаться. Отошел от стада подальше, на чистую воду, а купаться пришлось все равно в трусах, потому как голышом

при Зинке купаться постеснялся, хоть она и говорила, что не будет за мною подсматривать.

Неприятности начались, когда пришло время гнать стадо назад. На наши окрики свиньи не обращали никакого внимания. Если удавалось одну выгнать из грязи, другие не шли за ней и даже головы не поднимали, несмотря на наши крики. Зинка заставила меня опять раздеться и в трусах лазить по грязи, лупить прутом по бокам этих лежебок, чтобы отогнать их от Ривчака. Но у меня это плохо получалось. К тому же залепленным грязью свиным бокам мои удары, наверно, были совсем не чувствительными. Мучились мы так очень долго. Уже и ездовой проехал с бочкой створоженного обрата с сепараторного пункта, и стадо коров на обеднюю дойку прогнали мимо нас, а мы никак не могли справиться со своими Хрюшами. Зинка тоже разулась, подоткнула полы своего платья под нижние резинки рейтузов, нашла огромную хворостину и что было силы лупила по бокам и спинам свиней, выгоняя их на луг. Пока мы выгоняли одних, другие спокойно валялись в грязи. Затем мы начинали выгонять из барлога других, а те, которые были уже на лугу, потихоньку возвращались назад.

Помог нам бригадир овощной бригады дядя Никон. Он ехал верхом вдоль Ривчака, наверно, в контору. Увидел, как мы маемся, и прямо конем заехал в воду, захлопал батогом по спинам свиней, а те, наверно, испугавшись коня, быстренько все повыскакивали на луг. Тут уж мы с Зинкой не да-

ли им опомниться и погнали в сторону свинофермы. Потому как я был сильно измазан грязью, то одежду свою и сандалии пришлось нести в руках. Потому что если вернуться к ручью и обмыться, то свиней Зинка одна могла не устеречь. Да и время было сильно просрочено. У Зинки тоже ноги до самых колен были залеплены грязью, и она гнала стадо, не опуская полы платья. А черевички свои брезентовые несла в руке. Но когда мы приблизились к корпусам, а грязь на наших телах подсохла и даже покрылась трещинами – она опустила полы платья, чтобы не срамиться перед людьми.

На нашу беду Митрофанович был на месте, и нам очень досталось за то, что мы нарушаем распорядок. Свинофермы тоже на нас наорали, потому что им теперь вместо обеденного перерыва приходилось заниматься кормежкой нашего стада. И как бы на нас не ругались, Зинка всё равно никому не сказала, что это я её уговорил свиней испугать. Меня это очень обрадовало, и когда ругань затихла, я подошел к ней и тихо-нечко сказал:

– Зин, а ты такая молодчина. Про то, что я затеял с купанием, даже ничегошеньки не сказала!

– А чё тут говорить? – хмыкнула Зинка, – все равно ведь меня бы ругали!

– Ну так, если бы сказала, то тогда не на тебя орал, а мне бы досталось...

– Глупый ты. Я же старшая. Так ещё бы хуже было, что меньшего послушалась...

Тем временем Митрофанович позвал нас к кормокухне, собрал туда же всех пацанов и девчат, которые ещё не ушли домой после пастьбы, чтобы они «полюбовались» нашим с Зинкой видом.

– Вот, посмотрите, что бывает с теми пастухами, которые управляют стадом, думая не головой, а тем местом, что пониже спины топырится! – громко объявил он, показывая на меня пальцем – У Зинки хоть платьем грязюка прикрыта, а у этого героя уже не только коржи из грязи на спине потрескались, так и волосы слиплись.

– А Вы его, Митрофанович, отправьте таким через всё село, – хихикнула свинарка, спешившая с пустыми ведрами на кормокухню, – он тогда и близко к Ревчаку свиней не допустит!

– На грязюку это я вам так, для острастки указал, а главное зарубите себе на носу. Свиней в жару никак нельзя до воды допускать. По прохладе ещё пастухов слушают, а на жаре разнежаться, раскиснут, и каждую хоть парой волов на верёвке вытаскивай! Ей все равно, когда она разнежится! Я даже не пойму, как они все стадо перебарложили, но в загон пригнали. Могли бы до вечера с ними провозжаться.

– Нам бригадир из огородной помог, конем свиней повыгонял, – пояснила Зинка.

– Ну вот, хорошо хоть мужик сообразительный подвернулся, – продолжал Митрофанович, – а то бы вы долго ещё вместе со свиньями барложились. Сейчас вот посмотрите

на наших «стахановцев» и на ус себе намотайте, как нужно относиться к колхозным делам!

– Так у нас ж усов не бывает, а у пацанов ещё не выросли, – улыбаясь заявила Райка Ковалева.

– Нечего тут ржачку разводить, – одернул её бригадир. – Вы пастухи хоть и молодые ещё, а трудодни вам всем всамделишнее начисляют, и зимой при отчетном на эти трудодни и денежки какие-никакие начислят, и зерна выдадут, и ещё чего там решат. А вам тут хахоньки. Если поставили на работу колхозную, так будьте добры относитесь к ней по сурьёзному. Здесь вам не посиделки вечерние, а государственное дело!

Когда он закончил нас отчитывать, велел пацанам с нашей улицы смыть с меня грязь у конского корыта водопойного:

– Помойте его у корыта, а то он сейчас побежит к Ривчаку, спереди грязь поразмажет, а сзади так коржами и останется, пока дома бабка не отскребет. Только смотрите, в корыте воду не замутите, черпайте ведром или горстями и поливайте на него!

Пацаны очень старательно и дочиста отмыли меня от грязи, даже голову сполоснули в ведре. Только трусы оказались опять мокрыми и грязными. Но солнце припекало на славу, поэтому тело, да и трусы быстро высохли, и я смог одеться и обуться. А Зинка набирала себе воду в ведро и ходила отмывать ноги за кормокухню, чтобы не позориться перед людьми голыми коленками.

Мне нравилось проводить время на свиноферме после работы. Особенно интересно было в обед. Все свинарки, и фуражиры, и кормачи, и ездовые обедали тем, что из дому брали, на своих рабочих местах. Только те, которые жили на краю села, ходили в обед домой. Старшие колхозники, а особенно пожилые, после обеда ложились отдохнуть. Кто в корпусе, кто в телеге, а кто просто на земле, в тени стелил солому, покрывал её своим халатом рабочим и с наслаждением дремал на свежем воздухе.

А все молодые колхозники, особенно холостые, наскоро перекусив, уже к двенадцати часам спешили в красный уголок. Свинарки все ходили в грубых серых халатах, но на время перерыва они оставляли свои халаты и платки в корпусах, и в красный уголок собирались в своих цветастых платьях. Некоторые даже косы успевали распустить и вновь красиво заплести. А тетя Шура и тетя Нина даже губы подкрашивали помадой, как в клуб! Школьникам и переодеваться не нужно было, нам ведь спецодежда не полагалась.

В красном уголке весь обеденный перерыв настроение было праздничным. Патефон не умолкал. Стихала музыка только тогда, когда пластинку другую ставили или иголку затупившуюся на новую меняли. Пока взрослых было мало, школьницы-пастушки наряду со свинарками танцевали парами под музыку. Пацаны не танцевали. Играли в шашки, в домино, в шахматы или в карты. А чаще просто слушали шутки и разговоры. Но постепенно нас вытесняли из-за сто-

ЛОВ.

Заходили взрослые свинарки и сразу показывали своё главенство.

– А ну, мелюзга, сворачивайте свои игрища. Освободьте места штатным колхозницам! – требовала одна.

– Вам тут вообще сейчас нечего делать. Отработали своё – и по домам, – поддерживала её другая.

Мы, конечно, не возражали, и уступали им места на лавках. Но из комнаты не уходили, толпились у столов, сужая и без того тесный круг танцующих. По этой причине и пастушек вскоре провожали из круга.

– Кыш, молодки, из круга, освободьте место! Вы ещё своё успеете наверстать, дайте нам, «старухам», кости размять. А вы в стороне по стойте, поучитесь, – громко объявляла какая-нибудь свинарка, которая только недавно вышла замуж и даже детей ещё не имела.

Места бы конечно всем фермовским колхозникам хватило в красном уголке, и штатным, и школьникам, но к перерыву сюда подтягивалось много посторонних. На ферме работали в основном молодые, незамужние девушки, и наш красный уголок был самый просторный в колхозе. Вот и тянулись сюда к обеду молодые колхозники, у которых поблизости пролегал маршрут, или выдавалось свободное время.

Парни танцевали с девушками, знакомые договаривались о встречах вечером, а незнакомые присматривались к девушкам из нашего колхоза, искали повод познакомиться с по-

направившейся. Обстановка была похожей на молодежные посиделки, когда молодежь в длинные зимние вечера собиралась в хате какой-нибудь одинокой вдовы, или когда в теплое время жгли в Вербах костры от комаров, собираясь ватагами из ближайших дворов. Но здесь было всё по-другому. Здесь вместе с неженатыми отдыхали и взрослые, и мы, школьники, толпились. Молодые свинарки говорили, что у них на свиноферме в обеденный перерыв интересней и веселей бывает, чем на любых посиделках.

Одно время даже МТСовская машина стала приезжать в обед на нашу ферму. Первый раз они приехали во время дождя. Оставили машину на травке рядом с дорогой. Полный дядя и двое молодых парней вылезли из кабины и, пригнувшись, придерживая руками свои фуражки, побежали в нашу сторону. Свинарки зашумели:

– Во, к нам уже и на машинах стали ездить!

– Это вон тот пузатый вам непутевым двух новых женихов притарабанил!

– Не, они сейчас будут выявлять охочих обучаться на машине ездить...

– А чё, на тракторах наши колхозные девки пашут, может, и на машинах обучатся...

Фуражир Николай Захарович пояснил:

– Это шофёр из МТСу со своими стажёрами приехали смычку села с рабочим классом проводить.

Парни добежали первыми, но в сених подождали своего

старшего товарища и только вслед за ним зашли в комнату.

– Привет честной компании! – громко и задорно с порога выкрикнул полный, – вы нас дожидались или от дождя прячетесь?

Молодые его спутники тоже поздоровались и встали у порога. Дядя же снял с головы свой полотняный картуз, стряхнул с него влагу и направился к дальней стенке, приговаривая:

– Я вижу здесь две красавицы специально местечко для фронтовика приберегли. Так что ли, соблазнительная? – обратился он к одной из двух молодых свинок, сидящих у спинок кровати, и уселся между ними.

Покачиваясь на пружинах сетки, добавил:

– Да здесь у вас прямо курорт! Не зря меня мои стажёры уже который день уговаривают заехать сюда в обеденный перерыв. А тут и дождь кстати подвернулся!

– А что, в вашей машине лошадиные силы без подков? По грязи не везут? – пошутил молодой ездовой.

– Если что, у меня кони справные, негруженую машину на веревке до села дотянут! – добавил другой ездовой, который постарше.

– Да не, у нас шины новые, с пятаками, даже из колеи выгребают. Это мы просто не могли проехать мимо таких красавиц, как эти ненаглядные, – пояснил гость и кивнул на вмиг покрасневшую, пышногрудую свою соседку.

В это время патефон заиграл польку, и высокая, вдовая

свинарка Васильевна обратилась к вновь прибывшим парням:

– Ну чё, стажёры, вас только на машине учат ездить, или вы и танцам уже обучены? У кого храбрости хватит уважить одинокой женщине на танец?

Вперёд выступил рыжий стажёр и весело заявил:

– Да я не только полечку с Вами станцую, даже гопака с выходом перед всеми готов сбачать, лишь бы меня в такую компанию интересную приняли!

Другой стажёр, в форменной фуражке, пригласил на танец свинарку Лидку Сычеву, старшую дочь моего крестного.

Когда в очередной раз патефон затих, дядя из машины спросил:

– Дорогие свинарочки, а скажите, вас дома безропотно принимают таких ароматных? Компания у вас вроде бы подобралась славная, а аромат в помещении такой же весенний, как у моей тещи в свином сарае, если из него навоз пару дней не выносят!

– А знаете, дядечка шофёр, моя бабка про таких интеллигентных говорит: что, если не нравится, как поросёнок пахнет в свинарнике, так нечего рассчитывать, что потом, за столом, свинина ароматно запахнет! – быстро и решительно ответила ему молодая, незамужняя свинарка Тонька Михайлусова.

– Послушай, девонька, с моими промасленными в тавоте руками, я до интеллигента явно не дотягиваю. А вот то, что

ты тут с малолетства свиньями от пяток до макушки пропахнуть должна, думаю не добавляет ароматов мяса к твоему обеду. Или я не прав?

– Конечно, не правы!

– Ну, ежели ты котлетки свиные по три раза в день уплетаешь, тогда я свои слова беру обратно!

– Котлетов, конечно, готовить мы не умеем, но я Вам скажу, что и не голодаем!

Звонкий голос Тоньки и слова нового в компании человека вызвали всеобщее внимание. Даже парень, сидящий за патефоном, накрутив до отказа пружину, не спешил включать очередную пластинку.

– Тогда, будь ласка, согласишься, что бабка твоя промашку допустила в своих поучениях, – заявил дядя шофёр и торжественно приподнял руку с вытянутым указательным пальцем над головой.

– А вот и нет! Просто моя бабушка, хоть и колхозница простая, а разбирается в том, что в стране сейчас делается, лучше, чем такой несознательный пролетарий, как Вы!

– Так уж, прям совсем несознательный?

– Одно из двух, – уверенно заключила Тонька, – или несознательный, или решили тут посмеяться над простыми колхозниками. Только Вы не подумали, что мы сейчас тоже и газеты читаем, и на собрания ходим. Хоть мы и сельские, но не только я, а и бабушка моя неграмотная кое в чем теперь разбираемся!

– Тут мне и крыть нечем! Только если уж ты всё правильно понимаешь, так и меня просвети по поводу поговорки бабкиной.

В разговор вмешались другие колхозники:

– Зря ты, товарищ шофер, связался с нею, она может политически так отбрить, что мало не покажется...

– Тонька даже на собраниях КИМовских строчит, как по писаному, а с нами так вообще как лектор талдычит...

– Не зря же ей газеты нам зачитывать поручили, вот она и чешет по газетному...

– А ну-ка, ну-ка, задай рабочему классу колхозного политпросвету!

Ничуточки не смутившись, Тонька подошла вплотную к кровати, на которой сидел шофёр, присела на краешек митрофановичего стола и негромко спросила у него:

– А что Вам, собственно, непонятно в бабушкиных словах?

– Да, вот то и непонятно – про запахи эти самые, которые в сарае и которые за столом, – посерьёзневшим голосом ответил шофёр. Потом опять поднял палец над головой и добавил:

– Только давай, пожалуйста, без политики. Я так понял, ты тут в ячейке КИМовской, наверно, за старшую будешь? А я хоть и фронт прошел, но должен признаться, что политики больше фашистов боюсь...

– Ну, КИМовцы до войны были, а сейчас у нас ВЛКСМ.

А с поговоркой проще репы пареной. Она ж про тех, которые дома поросенка держат!

– Вот и я про то же. Ты ведь не дома этим духом пропиталась. С непривычки хоть нос ватой затыкай, как зашел к вам!

Колхозники загалдели:

– Так это с непривычки...

– Да работенка у нас ещё та!

– Идти куда соберешься, мойся – не мойся, а люди сразу унюхают, что на свиноферме работаешь...

– И то правда, соберешься в гости или ещё куда, полбруска мыла измочалишь и три чугунка воды выплещешь, и все равно видишь, что народ втихую морду воротит...

– Хотя вообще-то мы тут унюхались давно и не чуем ничего!

– Да и домашние привыкли, не замечают никакой вони!

Приходи домой хоть не переодевшись, им все равно.

Тонька повысила голос и продолжила гнуть свою линию:

– Вот Вы, дядечка, хоть и пролетарий, а положение с СССР представляете хуже моей бабушки подслеповатой, если сходства не определили.

– Сходства хоть и не нашёл, но от политических разговоров – я уже предупреждал – руки сразу умываю! Так что уволь.

– А я совсем не про политику, я про наших свиней и про запахи неприятные.

– Ну-ну!

– После освобождения, мы, хоть и детьми были, и то всё запомнили. А взрослые вон не дадут соврать – не пахло свиньями ни в колхозах наших, ни на подворьях. И поля женщины на коровах пахали, не то, что лошадей – волов не было!

– А при чем здесь это? – спросил шофёр.

– А при том, что бедствовали тогда все. И мы, и колхозы, и страна.

– Ну это понятно – война. Мы, на фронте, тоже не прохлаждались.

– Вот, вот, а как появилась возможность, так и стали на ноги подниматься все вместе. Сначала колхозу двух коней трофейных, раненых оставили, потом тракторы на наши поля МТС стал присылать. И машины сейчас уже не только в МТСе есть, а и в колхозах тоже. Наша машина, правда, только на дровах ездит, а вон в «Шевченково» лендлизовский «Шавролет» на горючем работает, и шевченковская, кстати, даже больше вашей машины!

– Так причём здесь ваши машины колхозные и запах этот?

– Вот я и говорю, моя бабуся понимает, что причём, а Вы, выходит, никак не сообразите.

– Она же старше, поэтому и мудрее, наверно, – примирительно заявил шофёр.

– Да при том это, что мы сейчас в СССРе, особенно после войны, стали как одна семья. Всё разрушенное вместе поднимаем, всем народом. Мы вот пахнем свиньями, чтобы рабочим на заводах было мясо к обеду, и чтобы они нам пате-

фон вот этот сделали, котлы паровые для кормокухни. Сеялки-веялки всякие делают. Даже машину, на которой вы приехали, они сделали, чтобы ваш МТС помогал нашему колхозу корма для свиней выращивать.

– Слушай, ну ты и подвела базу! Не придерёшься. Прямо как Левитан! – при этих словах он привстал, протянул Тоньке руку и добавил, – дай пять! Уважаю!

Тонька смутилась, неловко протянула дяде руку, а он вдруг нагнулся и поцеловал её чуть выше ладони. Девушка покраснела и, запинаясь, тихо сказала:

– Ну что Вы... всё... шутите. Я с Вами серьёзно... а Вы насмехаетесь.

– Какие уж тут шутки? – удивился шофёр. – Я и впрямь уважаю такую отповедь. В какой-то мере, ты со своею бабушкой мне нос утерли. Так что можешь и ей привет от меня передать.

Тут парень поставил пластинку с вальсом. Некоторые пошли танцевать, другие обсуждали Тонькин разговор с шофёром. Стажёр в форменной фуражке опять пригласил Лидку, и они танцевали вальс, кружась то в одну сторону, то в обратную. При этом толкали других. Лидка смеялась, а стажёр смущённо извинялся.

Когда фуражир объявил, что перерыв закончился, и люди стали расходиться, Тонька стояла рядом со мною и разговаривала с рыжим стажёром. Он ей увлечённо объяснял, чем их машина лучше «Шавролета» колхозного:

– Понимаешь, у нас машина грузовая, на ней можно всё возить, хоть насыпом, хоть в мешках. Ничего не рассыплется и не выпадет. А в «Шевченково» хоть и большая, но пассажирская. Там ведь кузов решётчатый, и скамейки вдоль бортов откидываются для людей. Поэтому в неё рассыпного не нагрузишь. А вот в нашей даже тех же людей можно больше перевозить, только стоя конечно!

К ним подошел шофёр и строго сказал стажёру:

– Всё, бал окончен! На выход!

Потом придержал за локоть Тоньку и подобревшим голосом добавил:

– А тебе, «лекторша», хочу совет дать. Ты девушка бойкая и лозунгов нахваталась, только вот грамотишки наверно маловато. Хочу посоветовать тебе не только газеты читать, но и книжки. Если у вас ещё библиотеку не открыли, так ты, может, в Митрофановскую запишешься. Подучись маленько и можешь далеко пойти, если замуж спешить не будешь. А пока я тебе за пролетариев объясню. Пролетарий – это тот, у которого нет ничего, кроме своих рук. А я хоть и рабочим числюсь, но далеко не пролетарий. У меня и огород большой, и курочки есть, и кроликов держим. Уловила разницу? А интеллигенты – это не те, которые изнежены и ручки боятся испачкать, а те, которые образованные и во всём разбираются!

Тонька закивала головой. А он продолжил:

– Ну, вот и молодчина, а над моими словами крепко подумай!

С этого дня наши новые знакомые почти каждый обед приезжали к нам в красный уголок. Нам, пацанам и младшим, и тем, которые постарше, очень хотелось получше рассмотреть машину, и дядя шофер разрешил нам и в кабину забираться, и в кузов, и за руль держаться, и на педали нажимать. Наказал только никакие штучки, которые в кабине спереда, не трогать. В кабине, конечно, старшие пацаны больше сидели, но если долго и хорошо простить, то и нас ненадолго пускали туда. Зато большие знали про машины всё. И что эта называется ЗИС-5, и что кабина у неё лучше, чем у лендлизовской. Потому как у той она железная, и летом нагревается очень, а зимой настывает, зато зисовская фанерная, и поэтому в ней и летом прохладней, и зимой не так холодно.

А ещё старшие пацаны хвастали тем, что знают как расшифровывать все эти названия машинные. ЗИС значит, что машина сделана на заводе имени Сталина. Велосипеды ХВЗ – на Харьковском велосипедном заводе делают. Большой паровоз для товарных поездов назван ФЭД в честь Феликса Эдмундовича Дзержинского, а меньший, для пассажирских поездов, называется ИС – в честь Иосифа Сталина. С этими паровозами у старших пацанов даже спор вышел.

Василь Ковалев сказал:

– Пацаны! Я думаю, неправильно фуражир Николаича шофёром называет, он же на машине работает – значит машинист!

– Да не, – возразил ему Роман, – вон Юрка Кудинов в Мит-

рофановке живёт, знает как по городскому, так он тоже говорил, что правильно шофёром нужно называть.

Тут вмешались и другие:

– Это может по-городскому шофёр, а по нашему правильной будет машинист.

– Конечно, машинист, потому что на машинах умеет ездить.

– Пацаны, а как же на паровозе? Там ведь точно называется машинист, и помощник машиниста есть, и кочегар! Почему ж тогда там не паровозист?

– Ну, ты балда! Паровоз ведь тоже машина. Помнишь, нам на физике рассказывали, что и паровозы, и тот котел паровой, который в прошлом году ремнем молотилку крутил МТ-Совскую у нас в колхозе, называются паровыми машинами. Поэтому и там машинисты!

– А я вот что придумал, у нас наверно тех, которые работают на машинах, так раньше и называли машинистами. А когда в войну стали машины заграничные по ленд-лизу нам присылать, вот с ними и слово это из-за границы прислали.

– А чё, может и правда так было.

– Тогда на заграничных машинах пусть шофёрами называются, а на наших машинистами!

– Так тебя и послушались! Да сейчас все стараются по-городскому выпендриться. Уж если кто в городе сказал, что это шофёр, так все за ним и будут повторять!

Но вскоре наше изучение машины закончилось. Жене Николаевича кто-то донес, что он в колхозе загулял с Дуськой Колесниковой. И даже ночевал у неё. Она работала на свиноферме в кормокухне. С мужем своим они недолго прожили. После женитьбы ему молотилкой руку оторвало. Хоть девки ему сразу же рану правильно перевязали, как их учили на сандружине, и на председательской тачанке галопом лошадей в район гнали, чтобы в больнице ему зашили рану, но он по дороге кровью истек и умер. А Дуська даже ребенка прижить с ним не успела.

Так эта жена и в колхоз к председателю приезжала, и к нам на свиноферму приходила, чтобы Дуську побить, но за неё свинарки заступились и не подпустили соперницу к своей товарке. А потом говорят, она через секретаря ячейки МТ-Совской добилась, чтобы Николаевича в другой колхоз перевели, а в наш полуторку прислали. Но эта машина на свиноферму не приезжала.

На следующее лето меня опять определили пастухом на свиноферму. Но теперь я уже всё знал и даже рассказывал младшим, что здесь и как. Работа была не тяжёлая, а после работы домой вообще не хотелось идти. Только чувство голода заставляло нас бежать домой.

Обслуживание молотилки в колхозе

В красном уголке в этом году установили большущий батарейный радиоприёмник, и работал он не только в обеденный перерыв, а бывало и с утра или после обеда. Митрофанович включал приёмник для себя, а сам уходил или уезжал по делам. И если в комнате не было взрослых, мы крутили за колёсико, смотрели, как желтая палочка движется под стеклом с написанными названиями городов, а из приёмника раздаются пiski, треск, музыка и голоса чтецов. Могли даже придавить одну из больших кнопок внизу. Это называлось переключить волны!

А один раз я попал даже на лекцию. Когда из района при-

возили на свиноферму лектора, Митрофановичу требовалось обеспечивать столько народу на лекцию, чтобы в красном уголке не было ни одного свободного места. А старые свинарки и ездовые старались увильнуть от лекции, потому что там не разрешалось дремать. Поэтому часто на лекции загоняли и старших школьников. Когда стали заходить люди на лекцию, я сидел на задней скамейке у самой стенки, а рядом расселась Польшка и надоедала своими расспросами. Она меня так достала, что я хотел выйти, а тут ещё и лекция, на которую младших школьников не допускают. Но Польшка дурачилась, не выпускала меня и придерживала за локти сзади. К тому же нашу скамейку уже заполнили пожилые колхозницы. Захаровна прикрикнула на нас с Польшкой:

– Тише вы, оглашенные, я тут вздремнуть за спинами надеюсь, а вы буяните!

Тут и Митрофанович вмешался:

– Польшка, что там у вас за возня на галерке?

– Да всё уже нормально, Митрофанович, – громко ответила Польшка, – это мы так рассаживаемся громко. А на лекции тихо сидеть будем.

А потом повернулась ко мне и тихо потребовала:

– Сиди теперь уже смирно, а то нам опять достанется.

– Поля, а что такое галерка? – спросил я у неё.

– Не знаю, – ответила она шепотом, – наверно, так говорят про тех, кто в углу сидит. Тут на неё ещё раз грозно взглянул Митрофанович, и она больше не проронила ни звука, даже

отвернулась от меня.

Когда люди расселись, встал районный уполномоченный, который всегда привозил к нам лекторов, и сказал:

– Товарищи колхозники, сегодня политинформации не будет, потому что лектор попросил больше времени на лекцию. Да и радио у вас теперь здесь есть, поэтому политические новости, думаю, знаете.

– Да нам Тонька Михайлусова этой политикой уже все уши прожужжала, – заявил фуражир.

– Это хорошо, что у вас политинформатор активный, я так и доложу в райкоме.

Уполномоченный сел и начал записывать, что-то в тетрадь. Не дав ему дописать, голос подал интересно постриженный мужик с короткими усами и короткой, но густой рысой бородой. Он спросил у уполномоченного:

– Любезный, может мы уже начнём наше занятие?

Уполномоченный смутился, бросил писать и поспешно объявил:

– Сегодня вам лекцию «О выращивании свиней» прочитает профессор Воронежского сельскохозяйственного института товарищ Харченко.

По помещению прошелся удивлённый шёпот.

– Что, неужто настоящий профессор?

– Конечно, если из Воронежа, то могли и живого профессора привезти...

– Профессор, а про свиней хочет рассказывать...

– Не говори, кума, чудно как-то даже...

А недавно демобилизованный, работающий на запарнике в кормокухне дядя Данил сказал:

– Товарищ уполномоченный, так о том, как растить свиней, тут любая свинарка сама целую лекцию закатить сможет!

Уполномоченный хотел прикрикнуть на смутьяна, но дядя-профессор вытянул в его сторону руку с поднятой ладонью и, вставая из-за стола заявил, обращаясь к дяде Данилу:

– Вы правы, товарищ, практический опыт выращивания свиней и других домашних животных имеет большую ценность для науки, и мы стараемся собирать такой опыт, обобщать его и систематизировать. Но я должен заявить, что и наука может оказаться полезной для людей, занятых этим трудом не легким, порой не благодарным, но очень важным для нашей страны.

Дальше дядя стал очень интересно рассказывать, что раньше все свиньи и коровы, и волы, и лошади были дикими, как люди их приучали, как изменяли. Какие у свиней домашних особенности, почему домашние свиньи нуждаются в уходе, почему их кормить и пасти нужно строго по расписанию. Что, даже подсосным пороссятам нужно всякие полезные подкормки давать и воду, потому что они не бегают по воле, а в станках со свиноматками находятся. Лекция была интересной не только мне, но и другим. Я посмотрел, никто из присутствующих не дремал. Даже Захаровна с интере-

сом слушала лектора, хоть и собиралась поспать на лекции.

Особенно все развеселились, когда он рассказал, что когда все люди говорят про человека, что он как свинья, если человек грязнуля некультурный, а вот свинарки и учёные знают, что свинья, оказывается, самая культурная из всех домашних животных. Потому что она никогда не станет есть там, где спит, не какает там, где спит и ест. Нужду свиньи справляют в одном уголку клетки, а не по всему полу. А другие животные, и даже некоторые люди всё это делают, не разбираясь.

Посмеявшись, ему на его слова возразила тётя Надя – наша родственница:

– Вот не скажите товарищ профессор, грязнули они ещё те! Ни одна тварь не любит так в грязи барложиться, как наши свиньи. Особенно летом, в жару.

– Здесь Вы неправы, любезная. Их дикие сородичи порой даже лечатся грязью болотной, содержащей сероводород. А Ваши подопечные таким образом пытаются защитить свои кожные покровы от вредителей различных и от болезней. Вот у собаки, которая меня сегодня облаяла здесь, очень плотная шерсть. Ни одно жалящее насекомое её не сможет поразить. А у свиньи щетина реденькая, жесткая. Вот они и пытаются защититься при помощи грязевого панциря. Если бы кто-то захотел тщательно с мылом вымыть свою свинью, так, чтобы смыть даже тот толстый слой перхоти, которым покрыто её тело, то такое животное пришлось бы дер-

жать постоянно в комнате. Потому что на воле оно бы мгновенно было изжалено насекомыми и заразилось уймой кожных болезней!

После лекции колхозники обступили профессора и всё задавали и задавали свои вопросы, а он охотно и подробно отвечал на них. Уполномоченный заставил ездового подогнуть лошадей в линейке к окнам поближе, давая понять, что время вышло. Пробовал прервать затянувшуюся беседу, но люди продолжали свои расспросы. Наконец и сам профессор заявил:

– Товарищи колхозники, я здесь подробно рассказывал об учении Павлова и о пользе от соблюдения распорядка дня для животных, сам же способствую его нарушению, отвлекая вас от ваших дел.

Но Митрофанович его успокоил:

– Ничего, один раз не страшно, мы теперь ещё строже за распорядком следить будем. Зато Вы так нам глаза открыли на нашу работу, что мы теперь все рекорды в своём деле должны побить!

– Извините, товарищи, но мне пора уже увозить нашего лектора в район, – повысил голос уполномоченный и сердито одёрнул свой френч.

– Вот, ещё только один, самый-самый последний, но самый важный для нас вопрос, – умоляюще попросила, протиснувшись к лектору, Галина Михайловна, старшая свиноводка из маточника.

– Что Вас интересует? – глядя на неё снизу вверх, уточнил лектор.

– Мы кое-что из того, что говорили, даём поросёнкам... И мел, и глину, и уголь древесный, и кирпич толченый. А Вы ещё сказали, что порошки нужно наводить им всякие, чтобы не поносили поросята белым. Дерн какой-то нужен. Где всё это брать нам?

Её поддержала другая свиноводка:

– А то мы, глупые, говорили Митрофановичу, что зря он заставлял нас мел давать. Думали, они от мела белым поносятся.

– То, что Вы назвали порошками, это железный и медный купорос. Его колхозное руководство должны затребовать у районного ветеринара. А применять их очень просто – растворите в ведре воды одну ложку медного купороса и три ложки железного, и потом щеточкой регулярно смазывайте этой водичкой соски у свиноматок. Этой дозировки поросятам вполне достаточно для профилактики заболевания.

– А как же нам различать эту болезнь у поросят?

– Поросята активность теряют, кожа становится не розовой, а бледной, щетина блеск теряет, а через неделю и белый понос начинается.

– Во, Митрофанович, всё точно, как у нас бывает, описывает учёный человек! У нас ведь весь падёж у молодняка только по этим признакам и случается! Надо эти купоросы завозить и этот дерн заказать. А мы уж постараемся.

– Ну, дерн ни откуда завозить не требуется. Этого добра в сельской местности пруд пруди. Словом дёрн обозначают верхний слой почвы, с корешками и растительностью. Только не заготавливайте его на лугах, там, где выпасают свиней. Чтобы гельминтами не заразить просят. Лучше на выгонах. Там я видел у вас отличный дёрн. Трава мелкая, без бурьяна, и свиньи там никогда не выпасаются.

Лектора проводили до линейки. Все люди благодарили за интересную лекцию. А Митрофанович попросил уполномоченного:

– Может, можно нам заменить лекции про капиталистов и про разные страны вот такими лекциями? От такой лекции нам намного больше пользы, чем от политики!

– Товарищ заведующий, – остановил его уполномоченный. – Райкому лучше знать, от чего пользы больше, а от чего меньше. Да и профессоров в области, небось, намного меньше, чем свиноферм в одном нашем Михайловском районе.

На работу я ходил с огромным удовольствием, однако в этом году пришлось неожиданно прервать своё участие в колхозных делах. Виновата в этом оказалась наша пасека. Она у нас самая больная в селе, если не считать колхозную пасеку. Наша – на двенадцать ульев! У других пчеловодов ульи стояли в палисадниках, потому что этих ульев было два или три, и только у дедушки Андрея Моторина было пять ульев пчел. Но наши пчелы не поместились бы в палисаднике, поэтому дедушка выделил для пасеки большую площадь

нашего подворья. Загородил пасеку высоким тыном. Поэтому у нас от ворот вглубь двора получился такой проход широкий.

Вдоль дороги, и вокруг усадьбы двор был отгорожен тыном. В торце глухой стены хаты были широкие ворота из жердей и деревянная калитка. От хаты к дороге располагался палисадник с цветами. В палисаднике росли два американских клёна. Палисадник от стены и до ворот был загорожен невысоким тыном из мелкой лозы, плетёной простым узором. Вдоль этого тына, в палисаднике лежали три больших коричневых камня, оставшихся от строительства хаты. Эти камни служили скамейками, когда летом женщины в выходной собирались посплетничать и полюбоваться цветами. От калитки вглубь двора тянулся тын пасеки. Проход получился на ширину ворот и калитки, поэтому по нему свободно можно было въехать даже с арбой, доверху гружёной сеном, соломой или хворостом.

Пасека оказалась со всех сторон загороженной новым тыном, и зайти в неё можно только со двора, от колодца, через тяжёлую калитку из жердей, заплетённых ветками вербы сверху вниз. На пасеке дедушка вырыл землянку с соломенной крышей. Называлась она омшаник. Зимой там хранились ульи с пчёлами, а летом стояла медогонка, лишние роевни, ящики с запасными рамками и всякий инвентарь для пчёл. Ульи стояли просторно, двумя рядами, на колышках, так, чтобы трава не доставала до их днища. От земли

до самых летков ульев были наклонно установлены прилётные доски, на которые тяжело плюхались пчёлы, прилетевшие с взятком. С них же взлетали, набирая скорость, те пчелы, которые улетали за взятком. В жару здесь, перед летком в рядок выстраивались по несколько молодых пчёл, которые упирались головой в доску, и размахивая крыльями, гнали свежий воздух в улей, проветривая его. Здесь же дежурили несколько пчел-охранников, которые следили, чтобы чужая пчела-воровка не забралась в улей или чтобы не приблизилась какой зверь или дурно-пахнущий чужой человек.

Кроме ульев, на самом солнечном месте стояла большая, застеклённая воскотопка. На росших вокруг глухого тына пасеки вишнях висели роевни. А на высокой подставке из кольев стоял деревянный бочонок с водой и вделанным снизу самоварным краном. От бочонка до самой земли была наклонно установлена широкая доска, в которой был зигзагом выдолблен глубокой ручеёк. По нему стекала капающая из крана вода. Всё это сооружение называлось поилкой. В жару вдоль всего ручейка на доске толпились десятки молодых пчёл-водоносов.

Мне нравилось наблюдать за слаженной жизнью пчелиных семей. Дедушка всегда рассказывал, что сейчас пчелы делают, чем заняты молодые, чем рабочие, как отличить старую пчелу от молодой или трутня от других пчёл. Когда открывал крышки ульев, то показывал даже пчелиную матку, маточники с молочком маточным, и как прополисом щели

заклеены, и детву, которая вылупляется в ячейках сотовых. Разрешал дымить дымарём в те места, с которых нужно было прогонять пчёл.

Только предупреждал, чтобы я, не заходил к пчёлам потным – они не любят неприятные запахи. И если без него захожу на пасеку, то сидеть около улья должен тихонько. Не делать резких движений. Потому как пчелы-охранники могут рассердиться, напасть и ужалить. И перед прилётной доской не разрешал останавливаться, потому что взлетающая или прилетевшая пчела может стукнуться об меня и от неожиданности ужалить.

Жалили меня пчёлы частенько. К этому я постепенно привык. Весной, когда они ещё вялые и полусонные, в них бывает мало яду, и поэтому, если сразу выдернуть жало, оказывается совсем не больно. Летом терпеть такую напасть намного тяжелее. Место, в которое вонзилось жало, нестерпимо болело, жгло и чесалось. Сразу же возникало красное пятно на коже, и вскоре это место начинало распухать. Но дедушка учил меня не только без слёз терпеть эту муку, но и рассказывал, и показывал на своём теле, как следует поступать, если пчела ужалила человека.

Ужалившую пчелу ни в коем случае нельзя убивать или раздавливать. Потому что если раздавить разозлившуюся пчелу, а жалят обычно разозлившиеся пчёлы, то от неё начинает исходить очень резкий запах, который сразу же начинается злить всех пчёл в округе. Тогда даже от других ульев могу

прилететь пчёлы-охранники и напасть на того, от кого пахнет раздавленной разозлившейся пчелой. Ужалившую пчелу следует аккуратно оторвать от тела и отпустить. Пусть она летит спокойно умирать, потому, что без жала она всё равно вскоре умрет. Потом быстро вытащить из своего тела жало и, если удастся, то выдавить через ранку хоть капельку яду. Тогда боль немного уменьшится. Но со своего тела дедушка никогда яд не выдавливал. Говорил, что он людям на пользу.

Если дедушка занимался пчелами, когда я был дома, старался попроситься к нему в помощники. Согласившись, он заставлял меня надеть на голову сетку. Это такая матерчатая шляпа со свисающим с полей матерчатым рукавом. Впереди на этом рукаве была прозрачная сетка, а снизу он накладывался на воротник одежды и стягивался шнурком, чтобы пчелы под него не забрались. Когда он снимал потолочины и начинал переставлять в ульях рамки, то советовал мне надевать на руки зимние варежки и завязывать поверх варежек рукава рубашки, чтобы по рукам, под рубашкой не лезли пчелы и не жалили, когда их нечаянно придавишь. Конечно, если нужно было поднимать и переносить тяжести, то дедушка звал бабушка и отдавал сетку ей. А мне предоставлял выбор: или оставаться на пасеке, как и он – без сетки, или уходить.

Постепенно у меня от пчелиных ужаливаний тело опухало всё меньше и меньше. И боль тоже становилась не такой мучительной. Дедушка говорил, что я, хоть ещё и не пчело-

вод, но уже пасечник, потому, что у настоящих пасечников тело от пчелиного яда не опухает.

В тот день солнце палило несносно, и своё стадо мы загнали задолго до обеда. Захотелось кушать, и я пораньше пришёл домой. На обед неожиданно собралась вся семья. У мамы в конторе не было начальства, и она пришла на обед домой. А тут и дедушка подъехал на велосипеде. Я попросил разрешения покататься на нём по улице недалеко от дома, но дедушка не разрешил. На багажнике и на руле были прикреплены походное точило с наждачным камнем и закреплённая на деревянной стойке маленькая наковаленка для отбивания кос и тяпок. И разборный стульчик, и молотки, и оселки, и другие инструменты. Его уже второй год назначали колхозным точильщиком, потому что у дедушки был велосипед. Он с весны и до самой жатвы ездил по полям точил, а иногда и набивал лезвия женщинам на их тяпки. Ставил клинья на разболтавшиеся черенки. Набивал лезвия на косах косарям. Сейчас во время сенокоса он выезжал на работу рано-рано и вечером был с косарями допоздна. А днём сено не косили, и была возможность в обед иногда заезжать домой покушать и отдохнуть.

У взрослых за столом всегда много разговоров разных, а я быстро поел и попросил разрешения выйти во двор. Сытный обед хотелось закусить чем-нибудь вкусеньким. Тут я вспомнил, что у нас на пасеке уже поспела вишня ранняя. Решил забраться на вишню и поесть ягод. Если залезть на де-

рево повыше, то там можно будет найти совершенно темные, спелые вишни. С трудом отворив калитку, зашел на пасеку и осторожно стал пробираться вдоль тына, позади ульев к росшей в углу вишне. Хотя из одежды на мне были одни трусы, нападения пчел не ожидал. Потому что у пчел сейчас был взяток, хоть и не большой, но они старательно работали. Некоторые летали в ближайшие вербы, собирали нектар с цветов на нескошенной траве, а другие летели в сторону Горы, там за кручей зацвел кориандр. Дедушка не раз говорил, что во время взятка, пчелы совсем не злые, потому, что они все заняты делом. Им некогда отвлекаться на гуляющих по пасеке людей.

Немного смущало то, что в этом ряду был и улей со злыми пчелами. Дедушка рассказывал другим пчеловодам, что специально завел таких пчел, которых он называл «Средне Русскими». Потому что эта порода жила в лесах сама, без людей много веков, и очень они к жизни приспособленные. И трутни из этого улья теперь обгуливают молодых пчелиных маток, чтобы у них потомство было здоровее. Но мне не нравилось, что эти хорошие пчелы были слишком злые. В других пчелиных семьях пчелы-охранники сердито жужжат, летая вокруг человека, только если подошел близко к летку, или если крышку снимают в улье, или если стукнули по улью. Стоит же отойти от их улья – они сразу успокоятся. А эти, если их потревожить, продолжают злиться, хоть на край пасеки уходи. Не только нас, даже дедушку они преследовали

по всему двору, если он залезал в их улей. А в прошлом году, когда у них мёд откачали, они так разозлились, что даже напали на стадо телят, которых гнали в это время мимо нашего дома. И телятницу в щеку ужалили!

На вишню забрался легко, потому что у неё с самого низа и до вершины росли боковые ветки, по которым, как по лестнице, можно было лезть до самого верха. Наверху темных вишен было немного, но я быстро наелся и хотел уже спускаться на землю. Но тут ко мне пристали две сердитые пчелы. Они летали с угрожающим жужжанием вокруг вишни и норовили пролететь вплотную к моему лицу. Зная, что в таком случае нужно не двигаться, чтобы пчелы успокоились и улетели, я согнутой рукой обхватил тонкий ствол вишни, обеими ладонями закрыл лицо, чтобы пчела не ужалила в глаз, и старался не шевелиться. При этом мне было совершенно непонятно, чем я мог разозлить пчёл. Подумал, что может где-нибудь на вишне сидела старая пчела из тех, которые, когда совсем уже не могут работать, вылетают из улья умирать, чтобы не было лишних трудностей по её вытаскиванию наружу. Может, я её нечаянно раздавил, а она была злая, и от неё пошёл тот неприятный запах, который сильнее злит пчел. В таком случае, лучше было бы убраться из этого места, но если начну шевелиться, напавшие на меня пчелы могут ужалить. Решил пока посидеть на вишне без движений. Тем более, что густые листья во многих местах прикрывали моё тело.

У меня уже отекала рука, которой держался за ствол, а пчелы всё настойчивей и настойчивей кружились около моей головы. Вдруг одна из пчел слёту стукнулась мне в голову, и запутавшись в волосах, жужжала, пытаясь ужалить. Быстро раздавив эту пчелу в своей шевелюре, смекнул, что теперь моим единственным спасением может быть только стремительное бегство с пасеки, чтобы другие пчёлы не успели напасть.

Отпустил ствол вишни, прыгнул на землю и со всех ног кинулся в сторону калитки. При этом у меня, наверно, растегнулась застёжка на сандале, наступив на неё другой ногой, я споткнулся и с разбегу угодил в корпус улья со злыми пчёлами. Улей сдвинулся с места, соскользнул с опорных кольшков, завалился на бок. Крышка улья откатилась в сторону, посыпались потолочины, и из раскрытого улья устремилась ко мне туча пчёл. В одно мгновение я осознал, что вся эта масса расшвиравших насекомых стремится меня наказать, что если я поднимусь с земли, то окажусь в самой их гуще, и они меня не пощадят.

Мои дедушка и мама рядом с той вишней где меня жалили пчелы

Непереносимый ужас сковал моё тело, я вжался в землю, в траву, в плетение тына и завопил во всю силу своего голоса. Хотя я и лежал неподвижно, пчелы каким-то образом догадались, что я виновник катастрофы их улья, и начали пикировать на разные части моего тела, вонзая свои жала. От боли и ужаса я вопил всё сильнее и сильнее. Первыми на мои вопли выскочили из хаты бабушка, а за нею дедушка. Мама в это время была в погребке и вначале не слышала моих криков.

Дедушке показалось, что мои крики доносятся из колодца, он побежал, прыгая на своей хромой ноге к колодцу, открыл крышку и пробовал разглядеть там мои очертания. А бабушка сразу поняла, где я кричу, и она сразу же заскочила на пасеку. Увидев всю картину, она громко позвала де-

душку, подбежала к лежащему на боку улью, закрыла лицо фартуком, на ощупь начала за руки волоком по земле тащить меня в сторону калитки. Тут к ней припрыгал дедушка, схватил меня за талию, и они бегом вынесли меня из пасеки.

Но моё тело было сплошь покрыто пчёлами и они продолжали яростно жалить меня, бабушку, дедушку и прибежавшую на мой плач маму. Тут дедушка, на бегу догадался, как с меня можно снять сразу всех пчёл. Он закричал:

– Давайте в корыто его, там сразу и сгребём всех пчёл.

Водопойное корыто для коровы к счастью оказалось до краёв наполнено водою, и тогда меня окунули в него и стали сгребать пчёл с тела. В воде они уже не жалили и не могли летать. Мама сдёрнула сушившуюся на верёвке простынь, прямо в воде меня закутали в неё и бегом понесли в хату.

В хате меня уложили на нашу кровать в вэлькихати и стали вытаскивать из тела пчелиные жала. А дедушка сразу догадался, что мои дела плохи, сбросил со своего велосипеда весь инструмент и собрался ехать за фельдшерицей. Но тут он увидел идущего мимо Гришку Руденка, и крикнул ему:

– Гришка, бегом сюда!

Гришка молча подскочил к дедушке.

– На велосипеде ездешь?

– А то!

– Прыгай на велосипед, и сколько духу будет мчись в медпункт. Скажешь Полине Артёмовне, что у меня внука искуса-ли тысячи пчел за один раз. Пусть сгребает всё, что у неё

есть для спасения, сажай её на раму и мчи сюда.

– Так тысячи ж не могут на теле поместиться.

– Замолкни и не пререкайся! Времени нет совсем! А ей всё скажи, как я велел!

Он подтолкнул Гришку с велосипедом за багажник и уже вслед добавил:

– Только, ради Бога, поспешай, а то можете не успеть!

Выбирая жала, бабушка и мама переворачивали меня то на бок, то на живот. Мама почему-то всё время плакала и постоянно спрашивала:

– Где у тебя болит, Женечка?

А у меня может от страха, а может так и бывает при множестве ужаливаний, но никакой боли я не ощущал и успокаивал её:

– Да Вы не плачьте, мама, у меня совсем ничего не болит. Это я просто испугался сильно. Поэтому и кричал.

Мне даже было интересно рассматривать, как у мамы и у бабушки начинают распухать ужаленные пчёлами лица и руки. Но лежать на кровати с периной казалось жёстко и очень жарко. Вначале попросил, чтобы на меня дули. Бабушка стала дуть, а мама взяла полотенце и начала махать надо мною, спрашивая:

– Ну как, тебе лучше?

– Нет, мама, мне как-то не так. Как будто всё мешает и жарко очень.

Тут вмешалась бабушка, она пощупала мой лоб и сказала

маме:

– У него жар начинается, я платком своим головным пока помашу, а ты сбегай, в холодной воде намочи полотенце и положи ему на голову.

Полотенце быстро становилось теплым, и они стали мочить два полотенца и по очереди прикладывать их мне к голове и на грудь. Дедушка принёс ведро колодезной воды холодной и поставил его прямо у кровати. Он всё это время то заходил в хату, то выскакивал на улицу, посмотреть, не привез ли Гришка фельдшерицу.

Мне становилось всё жарче и жарче. И я опять заплакал, упрашивая маму:

– Мамочка, можно я на доливке лежать буду? Там не так жарко и простыни не будут прилипать ко мне.

Услышав это бабушка, вдруг тоже заплакала и запричитала:

– Ой, лышенько, это ведь только перед кончиной люди просят на землю их уложить. Ой, лихо, какое! Что же ты это удумал, внучечёк?

– Ну, что Вы такое говорите, мамо, – сердито возразила мама, – у него просто от пота постель стала сырая, вот он и просится на доливку!

– Дал бы Бог, что бы так оно и было, – продолжая всхлипывать, закивала головой бабушка, при этом быстро сняла с лавки половичок и постелила его перед столом-угольником, над которым висела большая икона. Не вставая с колен

протянула руки к маме и скомандовала:

– Давай его сюда положим перед образом Богоматери и молиться будем о здравии его!

Мама подхватила меня двумя руками за спину и ноги, и они вдвоём уложили меня на половичок.

– Только я никаких молитв, кроме «Отче наш», не знаю же, – смущенно призналась мама.

– Ну, ты молись как получится, проси Заступницу за сына своего, и полотенца меняй, а я молитвы, какие знаю, читать буду, – ответила бабушка. Она, не вставая с колен, повернулась к иконе, стала размашисто креститься, кланяться до самой доливки и что-то шептать. Мама тоже шептала слова молитвы, но молилась не на икону а наклонившись ко мне.

На мгновенье бабушка остановилась, повернулась ко мне и посоветовала:

– А ты бы тоже помолился, ведь «Отче наш» я и тебя выучила, вот и помолись, попроси Боженьку помочь тебе пережить такое лихо.

– Ой, бабушка, у меня ничего не получится. Да мне и дышать плохо становится, меня наверно пчелы и во рту искуса-ли, когда я кричал там на пасеке. И теперь у меня всё там распухает.

В это время в хату вбежала запыхавшаяся Полина Артёмовна и сразу же спросила:

– А почему он на земле лежит?

– Ему на кровати было жарко и потно, вот мы его и пере-

ложили, – ответила мама. – Что, нужно обратно переложить?

– Нет, никуда перекладывать не будем, – решительно заявила бабушка. – Вы теперь своим делом занимайтесь, а я помолюсь над ним во спасение.

– Полина Артемовна, он говорит, что во рту напухает всё и ему дышать тяжело, – пояснила мама.

– Сейчас посмотрим..., – ответила фельдшерица, и, наклонившись ко мне, попросила, – а ну-ка, открой рот шире!

Тут же засунула мне в рот какую-то невкусную ложку, нажала на язык и заявила:

– Нет, у него и во рту, и в горле всё даже отлично, я боюсь, что это у него отек в легких начался, или сердечко столько яда не может вынести. Сейчас мы ему укольчики сделаем, и будем надеяться на бабушкины молитвы!

В это время мне показалось, что стоящий у двери дедушка начал куда-то проваливаться, потом медленно закружились склонившиеся надо мною люди. Потом всё завертелось как в юле, я даже пытался схватиться за маму, чтобы не улететь, и тут я неожиданно уснул.

Проснулся от того, что дыхание перехватило очень резким запахом, таким сильным, что его было труднее стерпеть, чем запах травы «крутоноса». Запах исходил от ватки, которую держали у моих ноздрей. С трудом замотал головой и где-то далеко-далеко слышался мамин голос:

– Он дышит, Полина Артёмовна, дышит он! Помог нашатырь!

Я открыл глаза и, как в сумерках темных, увидел, что де-душка приподнял меня за плечи, а мама, бабушка и фельд-шерлица наклонились ко мне с боков. Хотел сказать им, что-бы меня не трогали. Что я очень хочу спать, но язык не слу-шался меня. Но мама наверно не хотела, чтобы я спал, нача-ла хлопать ладонью по моим щекам и просила:

– Женечка, ты глазки только не закрывай. Пожалуйста, не закрывай.

Но мне очень хотелось спать, и я опять уснул. Несколько раз мой сон опять прерывали этим нестерпимым запахом. Били опять по щекам, обложили мокрыми простынями и мешали спать. В комнате уже давно горела наша праздничная десятилинейная лампа, значит уже очень поздно, а они мне не позволяли уснуть. Наконец, язык начал понемногу слу-шаться, и я очень медленно и не своим голосом произнёс:

– Я не буду спать, но вы мне к носу это вонючее не при-кладывайте.

– Ой, миленький ты мой, да тебя возможно только одним нашатырем и на свет белый вытащили, – объяснила фельд-шерлица.

– А Вы считаете, что уже вытащили? – взволновано спро-сила мама.

– Похоже, что пик кризиса миновал, вот и сознание к нему вернулось. К счастью, и психические реакции у него вполне адекватные. Будем надеяться, что дальше будет улучшение, ещё бы только осложнений никаких не дало.

– Хорошо, что Вас, Полина Артёмовна, Гришка так быстро примчал, а то бы мы тут ничего сами не смогли сделать. Спасибо Вам большущее, мы Вас обязательно отблагодарим, – проникновенно и даже, как мне показалось, сквозь слёзы заявил дедушка.

– Да что Вы, Стефан Исаевич, это ведь моя обязанность такая. А я, когда мне Григорий, а потом Вы рассказали, сколько мальчик перенёс укусов, я, конечно, всё делала, что знала, а сама, грешным делом, даже ничуть не надеялась, что мы его спасём!

– Руки у Вас золотые, Полина Артёмовна, Вас ведь не только в селе все хвалят, но и в районе отмечают, – подержала дедушку мама.

– А я так считаю, что здесь, если уж не чудо произошло, то, по крайней мере, получилось удачное сочетание телесных лекарств и духовного воздействия. Ведь Ваша мама не переставала молиться всё это время. Хоть сейчас и не полагается об этом говорить, но может не мои препараты, а мольба Жениной бабушки помогла сотворить такое чудо!

– Да она ещё с той поры, как в церковном хоре пела, молитв этих заучила уйму. А я вот смолоду не верю в эти штучки! Не успеёте Вы со своими уколами, никакие молитвы не помогли бы, – возразил ей дедушка.

– Мне тоже такое спасение кажется настоящим чудом – это я вам говорю как медработник. И я обязательно завтра доложу об этом случае в Митрофановку. Лишь бы мальчику

до утра не стало хуже!

– Полина Артёмовна, а можно Женю уже переложить на койку? – спросила мама, – а то под ним уже доливка мокрая от воды!

– Конечно, переложите его. Только клеёнку застелите поверх простыни, чтобы не намочить, когда мокрым обкладывать будете.

Тут и я решил вмешаться в их разговор. Заплетающимся языком и растягивая слова, очень тихо спросил:

– Мама, а может уже не стоит меня мокрым застилать? Мне хоть и жарко, а на спину вода стекает, и спине холодно.

– Нет, малыш, – возразила фельдшерица, – пока такая высокая температура, тебе нельзя без охлаждения. Особенно на голове чаще меняйте полотенца.

А мама сказала:

– Сейчас мы с бабушкой застелем для тебя кровать, и на перине у тебя спина мёрзнуть не будет!

– Да, Вам предстоит бессонная ночь. За температурой следите, пока до тридцати семи не упадёт, обкладывайте его мокрой материей, только теперь мочите полотенца в комнатной воде, а не в холодной. На воздухе мокрая материя сама остывает до нужной температуры. А у вас свой градусник есть?

– Есть, есть, – заверила мама, – сейчас я достану его.

– Хорошо. А пузырёк с нашатырным спиртом, ватку и капли сердечные я на всякий случай оставляю. Думаю, они

не потребуются, но такие вещи в доме всегда нужно иметь.

– А капли давать, если Женя, не дай Бог, опять задохаться начнёт? – уточнила мама.

– Да, если он опять сомлеет, то опять нашатырь ему, а потом накапаете в ложку и дадите выпить с водичкой.

– А может, Вы ещё немного подежурите у него, – спросила бабушка. – А то мы бестолковые, вдруг не поймём, задремал он или сомлел.

– Вы не волнуйтесь, у мальчика явные признаки улучшения. А я за своего Валерку тоже переживаю, он же меньше вашего Жени. Я как уезжала, крикнула Мошненковым, чтобы приглядели за ним по-соседски. А им, видать, и спать его укладывать пришлось.

Тут в разговор вмешался дедушка:

– Полина Артёмовна, а может, я Вас на велосипеде отвезу?

– Да что Вы, с такой ногой, наверно, и одному ездить тяжело. А я напрямик через Вербы. Ночью там воздух освежающий, целебный.

– Ну, тогда вот тут я баночку меда налил майского, побалуйте своего сыночка. А как взяток с подсолнечника начнётся, мед качать будем, я обязательно Вам привезу побольше, чтобы всю зиму чаёвничали и вспоминали, как Женьку рятавали!

– Не стоит беспокоиться, вы своим подарком смущаете меня. Выходит, я вроде как за плату здесь старалась.

– А как же, мы перед Вами действительно в неоплаченном долгу за Женьку, а мёд, поверьте, это от всей души и из уважения!

Тут и бабушка вмешалась. Она принесла кусок полотна, взяла из рук дедушки банку с мёдом и пояснила:

– Завяжу вам на баночке крышку из материи чистой, чтобы мёд не пролился, и нести будет удобней, а мёд примите, не обессудьте.

Лампу в эту ночь не тушили совсем. Я уснул и даже не слышал, как мне температуру измеряли, как прикладывали мокрую материю. Мама прилегла рядом со мною и к утру тоже уснула. А бабушка потом ещё два раза приходила к нам на рассвете посмотреть, как дышу, но всё это я узнал только из их разговоров на следующий день.

Проболел тогда целую неделю. А три дня мне бабушка не разрешала даже из хаты выходить, хотя мне и хотелось показать своим друзьям опухшее своё тело. Из-за него сам себе казался сказочным толстяком-богатырём. Было такое ощущение, что, когда иду по комнате, то земля подо мною дрожит и прогибается от моего веса и мощи! А мама отпрашивалась в обед домой посмотреть, как я себя чувствую, и дедушка тоже в обед домой приезжал на своём велосипеде.

Гулять меня пока не выпускали, и друзья в гости не приходили, наверно, боялись, чтобы их пчёлы наши не ужалили. А как-то вечером, когда уже все собрались в хате, на меня пришла посмотреть старая цыганка. Несмотря на за-

преты, цыгане продолжали кочевать, и мы не раз наблюдали, как их крытые повозки останавливались на ночлег, а то и на несколько дней на берегу Ривчака.

Был поздний вечер, все собрались в хатыни, а я сидел в кивнате на сундуке и смотрел в окно. Цыганка эта мне ещё издалека показалась странной. Она шла одна. Обычно ведь они утром ходят с маленькими детьми, подходят к воротам каждого дома и просят милостыню у хозяев или предлагают поменять на продукты всяческую утварь домашнюю, выкованную цыганом на походной наковальне. Эта седая цыганка ни к чьим воротам не подходила, а быстро шла по краю дороги, смешно размахивая руками. Когда она сравнялась с нашими воротами, мне её уже было не видно.

Но вскоре послышался женский голос, звавший хозяев. Дедушка сказал маме:

– Ксения, а ну сбегай, посмотри, кто там зовёт?

Мама ушла, и я догадался, что это был голос седой цыганки. Вскоре в хату вернулась запыхавшаяся мама и с порога объявила:

– Там цыганка какая-то старая, просит зачем-то нашего Женю ей показать.

– А зачем он ей? – спросил дедушка, – он же уже поправился!

– Я ей тоже сказала, что Жене уже лучше и ворожить над ним мы не хотим, но она твердит, что ворожить не собирается, а просто посмотреть на него хочет.

– Знаю я их, достали уже эти поберушки. Узнали, как парня пчелы укрыли, и будет сейчас городить, что если не купим у неё мазь или воду заговоренную, то Женька потом страдать будет, – рассердилась бабушка.

– Да она вроде с пустыми руками, – засомневалась мама. – И упрямая какая-то, я ей говорю, что нам ничего от неё не нужно, а она талдычит, что ей только на мальчика, искусанного пчёлами, посмотреть и больше ничего не нужно. Смешно даже, что на него смотреть, он уже и не пухлый почти?

– Непонятно, – согласился дедушка, – пусти её в хату. Нам от этого не убудет.

– Не убудет, – заворчала бабушка, – все равно чего-нибудь выклянчит. С пустыми руками они не уходят.

– Ты всё яришься, по поводу и без повода. Радовалась бы, что не тебе приходится побираться, и что бывает в доме кусок лишний, чтобы милостыню подать.

Пока мама ходила за цыганкой, я потихоньку прошёл в хатыну и стал возле печки.

– Здравствуйте, люди добрые, – с порога поздоровалась цыганка.

– И тебе не болеть, – ответил ей дедушка.

А мама добавила:

– Вот он, наш Женя, что на него смотреть? Сейчас у него уже почти и незаметно ничего.

– Мне, конечно, пуще всего рассмотреть его вблизи хо-

чется, но заодно и вам хотела сказать, что этому страдальцу вашему судьба выпадает необыкновенная!

– Ну, вот, я ж говорила, – повернувшись к дедушке, зло-
радно заметила бабушка, – вот уже и завела она свою шар-
манку, чтобы выклянчить чего побольше!

– Зачем ты так говоришь, женщина? – обиделась цыган-
ка, – я бы сама рада принести этому мальчику хороший
подарок, но у нас в таборе не нашлось ничего достойного,
да и не примете вы от цыганки подарка. Порчи побоитесь.
А от вас мне ничего не нужно.

– А пришла тогда зачем? – строго спросил дедушка.

Цыганка, подошла ко мне, долго разглядывала лицо, по-
том положила руку на голову и с сожалением произнесла:

– Вечереет, так, что толком и не запомню его облик.

– Ты не своровать его ненароком задумала? Говорят, цы-
гане детишек воруют! – забеспокоилась бабушка.

– Не волнуйтесь, я не стану вмешиваться в его судьбу, ему
жизнь и без меня приготовила немало испытаний.

– Может, всё же скажешь, зачем пришла к нам, – недо-
вольным голосом спросил дедушка.

– Да узнала я от людей в селе, что мальчика у вас так пче-
лы искусили, что и взрослый не выжил бы. Вот и решила
по нашему, по-цыгански посмотреть, за что ему такое избав-
ление стихии дали. А как посмотрела, так и ахнула! Поня-
ла, что должна посмотреть на него своими глазами, пока они
видят, а заодно и вам рассказать о его судьбе.

– Не нужно нам ничего рассказывать. Мы никогда у цыганок не гадаем, я грехом это считаю, а муж не верит не то, что твоим картам, он у меня даже в Бога смолоду не верит.

– Зря ты так женщина, ты мало ещё на земле пожила, поэтому не тебе судить, а карты я с собой не брала, значит, в грех тебя вводить мне нечем. Я посчитала, что должна поделиться с вами тем, что мне открылось.

Тут и мама обратилась к родителям:

– Ой, тату, мамо, пусть она скажет за Женю, а то ведь уже обмолвилась, что ему страдать придётся. Лучше заранее всё знать и приготовится.

– Во видишь, так они затягивают таких дурочек, как ты. Вроде бы между делом скажет, что порча на тебе, и как только почувет, что поверила, так и начнёт с тебя тянуть, что есть, чтобы порчу эту самую снять, – повысила на маму голос бабушка.

– А заранее знать будешь, что, соломки подстелешь? – усмехнулся дедушка.

Мама повернулась к бабушке и попросила:

– Ну, тато, ну пожалуйста!

– А ну вас, – сердито фыркнула бабушка, – у меня ещё куры не закрыты. Пойду, управлюсь.

И вышла во двор.

– Да мне всё равно, пусть рассказывает, что нагадала. Только я в эти сказки не верю, – согласился дедушка.

– Вот видите, родители согласны. Расскажите теперь, что

Вам карты, про нашего Женю подсказали? – обрадовалась мама.

– Дело даже не в картах. У нашего народа испокон веков есть возможность узнавать судьбы людей. Конечно, многое уже забылось, ушло из памяти вместе со стариками, но меня кое-чему ещё в детстве научили. Посмотрела я на судьбу этого мальчишка и увидела, что ему определена невиданная слава, что имя его станет известно всем людям! Поэтому и пришла посмотреть самой, пока жива, и вам сообщить, кого растите! – сказала цыганка и слегка похлопала меня по спине.

Дедушка с сожалением хмыкнул:

– Видать, и вправду жинка права была. Я не верю во всякие пророчества, а тут и по Женьке видно, что вряд ли из него что-то стоящее получится. Вон уже какой вымахал, а делать путём ничего не умеет. То книжки, то побегать, а руки как грабли, что не заставишь, всё не по-людски. А не переймёт с малку то, как наши пращуры к жизни приспособиваться учили, так ничего из него путного и не получится. Вон второй год ему талдычу, что когда навильник с сеном или соломой на кучу кладёшь, вилы переворачивать нужно. А он и это запомнить никак не может. А чтобы славы добиться, нужно уметь всё делать не хуже других, а даже намного лучше!

– Ой, тату, Вы опять за своё, – обиделась мама, – он же ещё маленький, ещё научится, Вы только подсказывайте ему!

И обратилась к цыганке:

– А что Вы говорили про то, что Женечке испытания в жизни предстоят? Или это так, просто для начала разговора?

– А ему хоть подсказывай, хоть заставляй, все одно толку никакого, – продолжал сердиться дедушка.

– Послушай, мамаша, испытания ему предстоят тяжёлые, но он их вынесет, – заявила цыганка. – А ты радоваться должна тому, что обретёт он славу невиданную, и почет, и уважение. Радуйся за него, как радуюсь я!

– Вы хоть скажите, какие испытания? Что, война, или голод, или тюрьма, что Женечке нагадали?

– Ты сама видела, как на днях его стихии от смерти верной защитили! Так я тебе скажу, ему на пути своём ещё два раза придется висеть на волоске между жизнью и смертью. И опять его судьба не допустит гибели. Запомните эти мои слова. Но вам, наверно, нужно растить его как-нибудь по-особенному, чтобы он сумел в зрелом своём возрасте совершить то, что на него возложено стихиями!

Тут мама забрала меня из-под руки цыганки, подтолкнула к двери и сказала:

– Иди Женя, помоги там бабушке по хозяйству. А то тётя Люся учила, что нельзя при детях обсуждать, как их воспитывать!

Бабушка сказала, что ей помогать нечего, и я просто ходил за ней, пока она доставала из колодца воду, вымывала корыта у гусей и у курей и наливала им свежей воды на зав-

тра. Потом мы позакрывали все двери в сараях и подпёрли палкой с рогатиной задние ворота, которые ведут на выгон. Пока мы управлялись, цыганка ушла. Когда зашли в хату, там уже зажгли лампу, и дедушка пошутил:

– А мы с Ксенией уже без вас хотели за стол садиться вечера!

– Небось, выдурила у вас кусок сала и банку мёда за свои страшилки, – предположила бабушка, не обращая внимания на дедушкину шутку.

– Да успокойся ты, я хоть и велел Ксении подать ей хвороста немного для детишек, ты его вон полную миску напекла. Всё равно сегодня не съедим, а холодный он невкусный. Зато ублажу тебя, признавшись, что мы с Ксенией с этой старухой даже поскандалили.

– С чего бы это?

– Я её разозлил, что не верю рассказням про то, как Женька с годами здорово поумнеет, а Ксения сердилась, что та ничего не говорит про беды Женькины. Когда и что точно с ним случиться сможет.

– Да ничего они не знают! И карты их брешут. Сколько раз уже бабы жаловались, что нагадает цыганка с три короба благодати. Те на радостях одарят их и яичками, и мукой, и крупую, а на деле потом одни несчастья.

– А я и бесплатно им никогда гадать на себя не давала. Сколько раз в контору заходили, по руке судьбу предсказывать брались. Я ни за что не соглашалась – боюсь этого! –

вмешалась мама.

– А чего ж сегодня согласилась, просила даже за неё? – удивилась бабушка.

– Да я за Женю забоялась, но она мне так ничего точно и не сказала. Всё твердила, что ему ещё два раза в глаза смерти своей смотреть придется. А что, да как, не говорит. Видно, и сама не знает. А может, выдумала всё.

– Конечно, выдумала! Узнала от людей, какие страсти с Женькой приключились, вот и придумала, как выклянчить чего себе на вечерю, – согласилась бабушка.

– Знаете, тут что-то не так, и за своё гадание старуха ничего не просила, и странная она какая-то. Она вот чем-то не такая, как те цыганки, что милостыню собирают с детишками по дворам. Те унижаются, клянчат, а эта то ли гордая, то ли важная. Может, она у них барониха? Не слышала, Ксения, не бывают у цыган бабы баронами? – спросил с улыбкой дедушка.

– Про бароних не слышала, а старуха и впрямь какая-то необычная.

– А может, она у них самая главная вещунья среди всего цыганского рода, а ты её не стала слушать и разозлила даже своим приставанием про напасти Женькины, – засмеялся дедушка.

– А чем я злила? Только добиться хотела, что там она на Женю нагадала.

– Ну вот, а её разозлило, что мы не слушаем про то, ка-

ким он станет, а ты ещё перебиваешь её, всё рвёшься за эти напасти разузнать.

– Я ж за то, что для меня важнее

– Этим ты и доконала её!

– Любой матери за своё дитя хочется узнать.

– Вот-вот, а она нам пробовала втолковать, что важнее то, что она говорит, а не то, чего ты добивалась. Наверно, с обиды пригрозила, что не узнаем мы Женькиной славы.

– Так это она нам пригрозила этим?

– Не понял я её. Или сказала, что состаримся и не доживём, пока Женька станет знаменитым, ну ладно мы с бабкой, так тебе ещё до старости жить и жить. Или за то, что не верим её словам, и поэтому не придётся Женьке прославиться? Это она наверно на тот случай, если он бездарем вырастет, так мы чтобы не её ругали, а на себя обижались, – засмеялся дедушка.

А мне цыганка очень даже понравилась. То, что я особенный, а не такой, как все мои товарищи, я сам знал уже давно и не сомневался в этом. Но, кроме меня, никто об этом не догадывался и не говорил. А эта старенькая цыганка сказала нашим чистую правду, но они на это не обратили никакого внимания, и даже шутят про её рассказ. Даже немножко обидно стало.

Про рассказ цыганки все вскоре забыли, и я вроде бы не думал об этом. Но потом, уже во взрослой жизни, мне пришлось вспомнить о том разговоре.

Из-за происшествия на пасеке этим летом я потерял постоянную работу в колхозе. Вместо меня пастухом на свиноферму взяли другого. А мне досталась участь тех, которых в колхозе считали лодырями или хитрецами. Наша работа называлась «куда пошлют». В этой компании были даже и великовозрастные парни и девчата. Некоторые, может, и правда ленились, ходить в колхоз, но в основном в «куда пошлют» оказались те, кому не досталось постоянной работы на время каникул, или у кого дома были или больные старики, или родственники, или дети малые, за которыми требовался постоянный уход. Я с Толиком Кудиновым всегда ходил утром к конторе, узнавать, есть ли для нас какое дело. А большинство из нашей теперешней компании к конторе не ходили, и на работу, если требовались школьники, им загадывал бригадир. Так некоторые даже бригадира не слушались, говорили, что со двора не могут отлучаться.

Колхозники одним сочувствовали и не ругали, потому что у них в семьях действительно была нужда в присмотре за стариками или за младенцами. А других осуждали, говорили, что детей с малолетства приучают хитрить. Дома их оставляют, чтобы те за птицей и скотиной домашней лучше доглядывали, в то время как другие колхозники или вообще домашних животных не могут завести, или хозяйство оставляют на малолеток. А эти больших лоботрясов приучают отлынивать от общих забот. Надеются разбогатеть на этом, только ничего у них не получается.

В те дни, когда нам работы не было, я в обеденный перерыв старался сходить на свиноферму. Там в компании отдыхающих пастухов мы после сборищ в красном уголке часто оставались играть на территории. То забирались на чердаки в корпусах, искали там гнёзда удонов, чтобы посмотреть на вонючих и голых птенцов. То играли в «красных и белых», или просто в прятки. То приёмник включали, если Митрофановича не было на свиноферме.

С началом уборки зерновых нас всех направили работать на зерновой ток. Ток располагался на Горе, вдоль колхозных коморь. Трактор с прицепленным к нему грейдером, которым дорожники равняли шлях, ещё весной почти полдня равнял выгон рядом с коморями. Получилась длинное и очень ровное поле, высокое посередине и со скатами к краям. За лето ток очень хорошо утрамбовали, и теперь даже во время дождя он не намокал, а дождевая вода должна скапывать с него на склон Горы. А женщины каждый день сметали с тока березовыми вениками пыль и крошки земли, чтобы не загрязнять зерно.

В этом году все хлеба в колхозе убирали МТСовские комбайны. И женщины радовались, что отпала необходимость в изнурительной работе по вязке снопов, а затем в молотбе. Комбайны сразу косили и молотили хлеба. А готовое зерно конными и воловьими подводами свозили на ток. Когда комбайны убирали дальние поля, то зерно выгружали на временные тока, которые расчищали прямо на поле. Но вече-

ром, после того, как падала роса, и комбайны останавливались, ездовые всю ночь перевозили зерно с временных токов на главный ток, чтобы его в поле не застала непогода.

Работа на току для школьников была легкой, интересной и даже весёлой. Мы лопатами, насыпками, вёдрами или просто босыми ногами должны были хорошо перемешивать зерно, чтобы нижние слои попадали наверх и высыхали. Кладовщица тетя Ира Гузева, постоянно подходила к нам, щупала зерно руками и пугала нас:

– Ой, смотрите мне, школяры, старайтесь. На вас вся надежда! Зерно совсем сырое везут, и зелени в нём полно от сорняков. Если допустите, что в каком месте оно согреться начнёт, я вам шкуры спущу!

– У нас оно не успевает согреться, – ответил ей Юрка Задорожный, – а вот вчера после ночной смены так много мест было согревшихся. Ночные вон какие большие, а работают хуже!

– Не скажи, парень! Ночные вчерашние чуть не полегли от натуги. С вечера небо на дождь нахмурилось, так они всё свежее зерно в бурты успели собрать, а сухое ещё и полотнами укрыть успели.

– Так дождя же никакого не было, – засмеялся Юрка.

– Слава Богу, конечно, что дождь мимо прошёл. Зато когда досмотрели, что зерно в бурту согреться начало, мы тут все без передыху опять его из бурта по току рассыпали до самого утра. Даже сторожей со свинарника бригадир снимал

нам на подмогу. Умаялись ребяташки, наверно, до сих пор не отойдут.

– А чё будет, если зерно согрется? – спросила Польша Руденко.

– Если допустим, что сторит зерно, так из него навоз получится, а из меня каторжанка. И меня посадят, и колхозу убыток. А высушим, перевеем, в комори засыплем – из него хлеб будут в городах печь! И твои родители на трудодни пару мешков получают. Блины будете на Масленицу печь. Поняла?

– Поняла. Что тут не понятного? Я ж не маленькая.

Пока мы перелопачивали свежее зерно, женщины веяли зерно на громоздких веялках, а если дул ветер, то некоторые, особо умелые, начинали веять зерно вручную лопатами и из вёдер. Они наловчились так подкидывать пласты зерна, и равномерно вытряхивать его из высоко поднятых вёдер, что чистое зерно ложилось ровным валиком, а зелёные травяные отходы ветер относил широкой полосой в сторону. Но погода в основном стояла безветренная и они, сменяя друг дружку вращали рукоятки веялок. Веялки были так устроены, что большое зубчатое колесо, на котором крепилась рукоятка, вращало маленькое зубчатое колёсико фанерного вентилятора. Нам даже с места тронуть эту рукоятку было трудно. И женщинам тоже было нелегко. Только очень сильная могла одна быстро крутить ручку веялки. И то она быстро уставала. Обычно крутили ручку веялки одновременно две женщины. Они вставали лицом друг к дружке

и вращали ручку – одна левой рукой, а другая правой. А когда уставали, одна из них объявляла: «Смена!». И они ловко менялись местами, не останавливая вращения веялки.

Веялок на току было пять, а людей на них не хватало. К каждой веялки ставили по три человека. Двое ручку крутят, а одна засыпают зерно в бункер. Тётя Ира пробовала крупных ребят из нашей команды «куда пошлют» ставить к веялке. Но у них ничего не получалось. Они и ручку крутили медленно и зерно в бункер не доставали засыпать. Когда зерна свежего поступало очень много, то она даже договаривалась с ездowymi, чтобы они по очереди, хоть на немного, но вставали покрутить веялки. Ездовые, которые соглашались, старались покрасоваться перед женщинами. Крутили ручки быстро и по одному. А нас тогда целыми ватагами ставили к такой веялке. Из перевёрнутых коробок делали ступеньку перед бункером, чтобы мы доставали высыпать зерно, и мы бегом носились с ведрами, стараясь до краёв заполнить бункер.

Коробка – самая неудобная посуда на току. Держать её в руках неудобно. Потому что у неё нет никаких ручек. И большая она – в неё почти два ведра зерна входит. Я даже как то не выдержал и решил узнать у тёти Иры, зачем эти коробки на току держат. Я конечно не маленький и понимал, нельзя приставать к занятому человеку со всякими расспросами. Но тетя Ира приходилась нам родственницей, и почти каждый день спрашивала у меня, как дела. Поэтому

решил, что по-свойски, когда она не занята, можно спросить об этом.

– Тётя Ира, а зачем у Вас столько коробок? Ими же ничего делать не получается! И тяжёлые, и без ручек.

– Они для меры, – ответила она.

– Как это?

– Отправлять зерно на фермы и в заготовку.

– Как кружка с длинной ручкой в лавке, керосин отмерять? – уточнил я.

– Вроде этого, только там литры меряют, а здесь вес.

Тут в наш разговор вмешался Толик Ковалёв:

– Как вес? Зерно же разное. Просо вон какое тяжёлое, а овес совсем легкий. Я коробку с овсом одной рукой поднять могу.

– Вот бестолковые! – поразилась тётя Ира, – коробку набирают с горой того материала, который будут отмерять. Затем рейкой сметают верхушку и взвешивают. Можно хоть до грамма точно взвесить. А потом только считай коробки!

– И чё, каждая коробка будет одинаково весить? – засомневался Толик.

– Если правильно насыпать, хоть десять раз перевешивай, всё равно будет одинаково получаться!

– А ведром почему отмерять нельзя? – поинтересовалась Катька Гузева.

– Можно конечно и ведром, – согласилась тётя Ира, – но там дужки и ручка мешать будут ровно верх снимать. Мо-

жет вес неодинаковым быть.

Объяснениями все были довольны и дальше продолжили обсуждение особенностей коробок уже без кладовщицы:

– Поэтому, наверно, у коробок и бока прямые, чтобы не переворачивалась, когда её зерном наполняют!

– А чё бы, она перевернулась?

– А то бы! Вон у ведра дно узкое, а верх широкий. Чуть не ровно поставил, оно и переворачивается. А коробку как не ставь, она стоит как вкопанная.

– Да, дно у неё длинное, хоть и не широкое.

– По ширине почти как у ведра, а по длине как у трёх вёдер.

– Не, на коробке больше двух вёдер не поместится!

– А я говорю, три смело поместится!

– Чё вы спорите, давайте померяем.

– Федька, тащи сюда коробку, а ты, Польшка, сбегай, ведро возьми у вейлки.

– Не, Польшка, возьми два ведра, чтобы доказать этому упрямцу, что больше двух в коробке не поместится, – попросил Витька.

Федька и Польшка принесли коробку и два ведра, и мы собрались в середине вороха. Толик перевернул коробку вверх дном и поставил на неё ведро. Придвинув его к самому краю заметил:

– Видите? У края дно коробки, такое как у ведра, а посредине немного шире – это, наверно, тоже неспроста.

– Ты меряй, меряй! – настаивал Витька.

– Сейчас и замерю, – согласился Толик.

Пододвинул дно ведра к краю коробки, и приложил к ним палец, показывая, что края совпали. Затем поспешил другой палец и отметил на коробке, где край дна у ведра. Потом переставил ведро к этой метки и снова отметил его край. Затем ещё раз переставил ведро и край его дна только, чуть-чуть свисал над дном коробки.

Мы зашумели:

– Угадал Толик.

– Чутьочку только не поместилось третий раз!

– А чуть-чуть не считается.

– Три ведра помещается!

Тут возмутился Витька:

– Дураки! Этот вам фокусы впаривает, а вы уши развесили. Зачем было дном мерить? Я же не зря два ведра попросил. Дайте сюда коробку!

Он отодвинул Толика от коробки, перевернул её вниз дном, взял два ведра и попробовал их поместить в коробку. Убедившись, что ведра не помещаются торжествующе заявил:

– Теперь видите? Не влезают два ведра! До дна не достают даже.

– Так у тебя одно ведро так только влезет, посередине, где коробка шире. А по краям они даже до дна не садятся, потому что у них бока косые, – возмутился Толик.

И продолжил:

– И даже так, если раздвинешь вёдра по краям, и то у них между верхушками места немного остаётся.

– Так между верхушками совсем немного остаётся места, а за тебя же пацаны заступались, что чуть-чуть не считается. Вот и у меня не будет считаться!

– Постой, так мы же спорили, на сколько одно дно больше другого, а ты вершины меряешь. Хитрован!

Тут наш сбор заметила кладовщица и издалека прикрикнула на нас:

– Эй, школяры! Что там за заседание? Быстро за работу!

Мы с удвоенной энергией принялись перемешивать зерно, но ещё долго обсуждали ребячий спор. Бурты сухого перееванного зерна на току росли, и кладовщица старалась побыстрее спрятать его от непогоды в комори. В коморях ещё перед уборкой стены и потолки побелили, полы поскоблили и вымыли. В жару они стояли с открытыми дверями, поэтому в них было чисто, сухо и тепло. Людей для этой работы не хватало. Женщины должны были непрерывно обслуживать веялки, а нас после того, как тщательно перемешивали вороха с зерном, она периодически определяла на переноску зерна и засыпку его в коморю. Носили мы зерно вёдрами, а старшие парни и девчата ещё и деревянными носилками, сделанными в виде ящика с длинными ручками.

Тетя Ира хоть и кричала на нас, чтобы мы не поднимали тяжёлое, особенно, чтобы носилки наполняли зерном мень-

ше, чем на половину, но старалась приободрить старающихся. И хвалила, что успеваем за короткое время переносить так много зерна. А мы после такой похвалы трудились с ещё большим усердием, спешили, даже бегом носили вёдра и носилки. Ссыпали принесённое зерно на пол у двери комори, а малышня насыпками перекидывала его к задней стенке. По мере заполнения комори в специальные пазы на дверной коробке вставлялись перегородки из струганых досок с четвертями на ребрах, чтобы зерно не высыпалось наружу. Так коморю можно было заполнить зерном до самого потолка. Но чем выше становилась перегородка на двери, тем тяжелее было нам засыпать зерно.

Из носилок парни вообще уже не могли высыпать зерно внутрь. Приносили носилки, ставили их перед дверью и черпали из них зерно вёдрами. При этом они мешали нам, а мы, наверно, мешали им. Заметив нашу толкотню, кладовщица распорядилась:

– Не таскайте больше носилками. Поставьте их перед дверью, пусть ребятня носят и высыпают зерно в носилки, а старших двое встаньте перед дверью и пересыпайте зерно в коморю. А то уже высоко, младшим тяжело, могут и животы подорвать!

Но её предостережение оказалось запоздалым. У меня приключилась грыжа. Я с трудом доработал до вечера и медленно пошёл домой, далеко отстав от гурьбой устремившихся с горы товарищей. Низ живота болел. Дома сразу же опре-

делили, что я схлопотал себе грыжу. Долго журили за то, что не уберёгся. Осуждали взрослых, работающих на току и не следящих за детьми. Ещё ругали кладовщицу. Дедушка даже сказал, что обязательно завтра днём заедет на ток и всё ей выскажет. Кушать мне не разрешили, заставили помыть ноги и уложили спать.

На следующий день оставили дома. Угнетало ощущение вины. Я понимал, что не должен был стараться с маху, одной рукой поднимать ведро с зерном через высокую перегородку, подражая большим парням. Что я подвёл тетю Иру и колхоз и домашним доставил много хлопот лишних. Когда стоял, сидел, и при тихой ходьбе боли не было. Но когда кашлял, в паху надувался пузырь, боль становилась резкой и не проходила до тех пор, пока я не заталкивал содержимое этого пузыря внутрь.

В понедельник утром мама повела меня в медпункт к Полине Артемовне. Перед крылечком медпункта и на скамеечке под кустом сирени собралось уже несколько женщин и детей. Два старика сидели отдельно на пригорке и о чём-то не спеша беседовали. Когда мы подошли и поздоровались, тетя Акулина спросила:

– А вы, соседи, тоже захворали?

– Да Женька грыжу себе достал на засыпке зерна в колхозе, – пояснила мама.

– Раньше хозяин бы не поставил дитё на непосильную работу. А колхозу всё равно, что малые, что старые... Лишь бы

горбатились, – со вздохом заметила старенькая бабушка.

– Что, уже и в колхоз засыпают? – спросила у мамы другая тётя. – А то только в поставку возили. Там, в конторе, вы ближе к начальству, не слышно, по сколько в этом году хлеба выдадут колхозникам?

– Не знаю, – пожала плечами мама, – как в районе решат, так и будет. Там ведь грамотных много и РайЗО, и СНК. Каждый вечер сводки отправляем. Сейчас пока разрешили семенной фонд засыпать. И в фуражный тоже не только отходы, но и 35% зерна разрешили засыпать. Потом наверно и в фонд распределения разрешат.

– У нас уполномоченный обедал, так говорил, что в этом году больше, чем 600 граммов на трудодень не разрешат.

– А чего ж в прошлом году по 2 килограмма выдавали?

– Да-а-а. По стольку, как в прошлом, мы никогда хлеба не получали!

– А по сколько это будет на каждый двор?

– Ну, ты чудная, а скольких из твоего двора на работу гоняют? Дворы разные, в одном только солдатка вдовая, да те, что только летом трудодни зарабатывают. А в другом и по 5 человек круглый год на трудоднях сидят.

– Вон у Чередниченка Нинка семилетку закончила и в телятницы определилась. Так их теперь шестеро круглогодичных. Наверно, уже богаче кулаков были, если бы на займы²

² займы[#] в колхозах в ту пору денежная оплата осуществлялась после завершения календарного года, когда принималось решение, по сколько выдавать денег

не заставляли подписываться. Зато хлеба получают на трудодни больше всех... И птицы вволю смогут держать, и свинью не одну можно прокормить.

– Сколько ж это придётся на взрослого и сколько на тех, которые только летом на трудоднях, если по шестьсот выда-

на каждый заработанный трудодень. При этом соблюдалась видимость демократии, колхозу устанавливали величину фонда распределения финансов из числа его доходов. А на общем собрании колхозники решали, какую часть из этой суммы оставить на срочные непредвиденные выплаты для исключительных случаев, а основная часть направлялась на денежную оплату труда колхозников. В зависимости от успехов в хозяйствовании в разные годы приходилось от 8 копеек на трудодень, и почти до рубля доходило в удачные годы. Но в течение года финансовыми органами страны велась очень настойчивая работа, сопровождающаяся даже некоторыми репрессиями местного масштаба, по распространению облигаций внутреннего государственного займа. Колхозников убеждали авансом, под будущие денежные выплаты, приобретать облигации. Обычно утверждая, что денежная оплата в этом году будет очень высокой. Компании по распространению облигаций были многократными и настойчивыми. Очень многим колхозникам при денежном расчёте порой не хватало распределённых денег для погашения долгов по приобретённым облигациям. Их долг переходил на следующий год, но зато они получали возможность отказаться от подписки в следующем году. Заём осуществлялся сроком на 20 лет. Зато по номерам и сериям облигаций осуществлялись розыгрыши денежных призов, таблица которых печаталась в центральных газетах. Ходили слухи о том, что некоторые выигрывали не только по несколько сотен рублей, но и по несколько тысяч. Про нашу семью тоже говорили, что мы по облигации выиграли невероятную сумму в несколько тысяч рублей! У меня об этом не раз пытались разузнать не только сверстники, но даже и взрослые. Дедушка объяснял, что люди так думают, потому что у нас благодаря пасеке и деньги водились на черный день, и за нашей одеждой мама всегда следила, что бы мы одеты были чисто и опрятно. И потому, что дедушка для дома всё сам умел делать – и столярничал, и прялки делал, и бочки собирал, и станок сделал для виття верёвок, и кожи выделывал, и сапоги сам шил по колодкам, которые выстрогивал отдельно для каждого члена семьи по его ноге.

дут?

– Вон Ксения скажет, она ж конторская, наловчилась небось высчитывать.

– А ну-ка прикинь нам, хоть по пару мешков на взрослого припадёт?

Мама немного подумала и пояснила:

– Круглогодичному, который на простых работах был, придётся где-то около пяти мешков зерна, а которые школьники, тем чуть больше одного мешка получится.

– Как жизнь поменялась. Раньше в жнива только косили хлеба, да в снопы вязали. А потом молотили чуть ли не до середины зимы. А сейчас?

– Даже до войны, когда в колхоз молотилку паровую пригоняли, и то до самых снегов хлеб обмолачивали. А потом, когда молотилки стали трактором крутить, так вообще по теплу успевали зерно засыпать.

– А теперь видали, чего напридумывали? Сразу в поле машина и косит и молотит сама, на тока уже готовое зерно привозят и почти без половы. Остаётся только от сорняков провеять, да подсушить на солнышке – и засыпай!

– Не, бабоньки, не к добру это! Молодицы сноровку теряют. Вон, поставила своих девок и соседских, которая быстрее и ровнее сноп свяжет. Так руки у всех как из задницы повырастали. Ни сноп собрать, ни выровнять путём не могут. Ни перевясло крепкое скрутить.

– Да, Андреевна, тут ты права. Не спешат молодые пере-

нимать то, что мы умеем. А потом хватятся, да некому подсказать будет.

– Бабы, а может им и не потребуется наша наука? В колхозе машинами всё будут делать, а дома понемного сеем, можно и так перемолотить. В снопы не вязать.

– Как это не вязать? А сушить как? В куче враз сгниёт!

– Я вам скажу, люди уже стали привыкать к тому, что в колхозе зерно выдадут. Дома уже, на огородах, мало кто пшеницу да ячмень сеет.

– Вот, вот, – громко сквозь смех, воскликнула старенькая бабушка, с провалившимся беззубым ртом – если кто и посеял, так молотить не спешат, как раньше было. Не успеет ячменёк созреть путём, а мы его уже обминаем с колосьев, на корню даже. То себе на кашу, то курочкам на корм. А сейчас мои скосили, повязали в снопы, и стоят они во дворе, пока мыши заведутся.

– А чё, молотить нечем или некогда?

– Говорят, что некогда, а оно и нечем. Посеяли на огороде немного, вальком³ молотить там нечего, Цепов же своих нет,

³ # валёк – ребристый каток, вытесанный из камня, с встроенной в него железной или деревянной осью. В валёк впрягали лошадь, и она катала его по массе высушенных стеблей злаков с колосьями, расстеленных на утрамбованной земле слоем толщиной в четверть. Когда в колосьях зерна не остаётся, солому тщательно перетряхивают вилами, чтобы зерно просыпалось на землю. Потом пучки соломы встряхивают ещё руками и складывают в копну, а зерно и полову собирают в мешки. Если в этот день погода ветреная, то зерно сразу же провеивают на ветру, отделяя зерна от половы. Или хранят зерно с половиной до следующего ветреного, сухого дня.

а новые Павло никак не сделает. У других же цепи⁴ попросить стесняется. Вот и не молотят.

Тётя Акулина предложила с улыбкой:

– А Вы, Герасимовна, предложите Павлу, чтобы меня пустил обмолотить. Мы с Райкой и своими цепами помолотим и перевеем, но только пополам или на крайний случай за треть.

Все взрослые заулыбались

– Губа не дура.

– Таких, небось, много сыщется.

– Герасимовна, а Вы и правда пугните сына, что Заморени придут, помолотят за часть. Небось, зашевелится.

Тут с той половины дома, что была их квартирой, вышла Полина Артёмовна и направилась к крылечку медпункта. Одета она была в белоснежный, тщательно отглаженный халат. Голову покрывала очень коротенькая белая косынка, из-под которой выглядывали собранные в пучок и стянутые голубой узенькой лентой длинные волнистые волосы.

Поздоровавшись с народом, она объявила:

– Те, которые пришли просто лекарств купить – заходят без очереди. Потом, в первую очередь буду принимать забо-

⁴ # цеп – приспособление для ручного обмолота небольшого количества хлебной массы. Представлял собою две палки. Одна, лёгкая, длиной около 2 метров, служила рукояткой. Другая, длинной с аршин, из прочного дерева, прикреплялась к рукоятке двумя полосками сыромятной или выделанной кожи. При замахе рукояткой делали круговое движения, а с силой ударяя по соломе, следили, чтобы нижняя палка била по обмолачиваемой массе всю свою плоскостью.

левших, которые на работу спешат. А которым не идти сегодня на работу – придётся подождать.

Когда пришла наша очередь, Полина Артёмовна велела мне лечь на твердую кушетку. Пощупала и больно надавила на то место где появляется грыжа. Заставила покашлять. И пояснила маме, что нужно делать операцию и лучше срочно. Мама несмело возражала, что, может, попробовать сначала съездить на хутор Ахор, там вроде бы есть бабка, умеющая заговаривать грыжи. Но фельдшерица настаивала. Пугала тем, что грыжа может не вправиться, а защемится, и тогда всё будет зависеть от многих обстоятельств. Например, от того, насколько быстро меня доставят к хирургу, и будет ли он на месте. Не занята ли будет операционная. Поэтому рисковать нельзя. Договорились они, что сегодня в час дня главврач районной больницы проводит пятиминутку, а перед этим требует, чтобы фельдшеры из сёл по телефону докладывали ей положение дел. Вот она и попытается решить вопрос о моей операции. При этом моего мнения они не спросили и даже не поинтересовались, что я думаю по этому поводу.

Когда соседи и товарищи с нашей улицы узнали, что меня повезут на операцию, все стали спрашивать, боюсь ли я? Я, конечно, всем отвечал, что ничуть не боюсь. Но сам всё это время пытался понять, страшно ли мне на самом деле или нет? Точно я не знал, что означает операция. Знал, что будут в больнице делать так, чтобы эта грыжа у меня

больше не высказывала. А как это делается, наверно, никто не знает, кроме докторов. Поэтому я решил, что мне и правда не страшно ничуть, а просто очень интересно. И было даже немного приятно, что у меня теперь есть, чем отличаться от товарищей.

Перед Маруськой даже похвастал:

– Ага, а мне операцию будут делать, а вам никому не делали!

– Ну и хорошо, что не делали, – вызывающе ответила она.

– И чё, ты мне не завидуешь?

– Ничуть! А ты, вижу, кичишься этим?

– Нет, но все же людям не каждый день операции делают.

А мне сделают!

Операцию назначили на среду. Но во вторник нам с мамой нужно было попасть в Митрофановку. Заночевать там. Мне не ужинать, а в среду не завтракать и явиться в больницу к семи часам утром. До Митрофановки председатель разрешил подвезти меня с обозом. Лошадей и ездовых во время уборки раньше освобождали от работ в колхозе и направляли их всех по одному рейсу в Митрофановку гружёными зерном в поставку государству. Первым ехал ездовой, которого назначили старшим. Меня посадили прямо на зерно во вторую подводу. А мама должна была идти пешком. Но как только мы отъехали от села, дядя Данил, который ехал вслед за нами, предложил маме садиться к нему:

– Садись, Ксения, ко мне на лавочку, или в зерно. Или ты

и вправду решила до райцентра пеше топать?

– Так председатель же сказал, что лошади к вечеру моренные, и лишний груз нельзя добавлять.

– Мои-то сегодня и не моренные особо. Я их выпрягал даже перед поездкой попастьись почти на час.

– А тебя не заругают? – спросила мама.

– Так я ж ездовой. Мне и отвечать за своих лошадей. А никто и не узнает. Да все мы так делаем, когда с нами людей отправляют.

Ехали почти всё время шагом. Только под горку лошадей пускали рысью. А на таких подъемах, которые были крутыми, все ездовые и мама на ходу соскакивали с подвод и шли пешком. На подводах оставались только я да хромой дедушка, который специально ждал обоз за селом, подальше от начальства, и договорился со старшим, чтобы его подвезли. Он ехал на последней подводе, и тоже не вставал даже там, где дорога круто поднималась в горку, хотя был намного тяжелее меня.

Ночевать мы попросились к нашей свахе Насте. Свахой её, оказывается, называли потому, что она была родственницей бабушки Феклы, жены дедушки Антона нашего. Они до войны жили в Фесенково, и фамилия у них была тоже Фесенко. В войну их хату разбило снарядом, дети оба погибли, а сваха выжила. Сначала она в землянке жила, а как её муж дядя Гриша вернулся с войны, да поступил работать в МТС, так они и переехали в Митрофановку. Дом себе большой саман-

ный построили и даже корову и птицу держали, потому что их улица была крайней.

В больницу мы пришли раньше семи часов. Мама показала строгой больничной тётё наше направление от Полины Артёмовны. Та сверила мою фамилию с записями в толстой книге и сказала, что меня примут во вторую палату, и что с 7 часов начинается забор анализов, и нам нужно к этому времени быть уже в палате. Выдала для меня пижаму с зелёными полосками и позвала другую тётю, которую назвала нянечкой, чтобы она меня искупала и переодела.

Мама пыталась возразить

– Не стоит его купать. Я его дома днём вчера хорошо выкупала, а потом ещё и вечером на квартире помыла. Он совершенно чистый.

Но сердитая тётя не послушалась.

– Не выдумывайте! У нас свои здесь правила. Принимать положено через санпропускник и с купанием.

И, повернувшись к нянечке, спросила:

– А ты, Оля, чего стоишь? Раздевай хлопца и мой.

Нянечка открыла дверь и завела меня в маленькую комнату, в которой стояла очень большая ванна, намного больше даже, чем у бабушки Марфы. Борта у неё были высокими и с загнутыми краями, и была она с виду такой тяжелой, что её наверно не поднять и двум мужикам. Мама зашла следом и, закашлявшись, спросила:

– Что ж это у вас здесь так сильно хлоркой воняет?

– На то он и санпропускник, – улыбнулась нянечка.

– Что, раздевать Женю?

– Вы же слышали, что дежурная сказала...

Мама быстро сняла с меня всю одежду и велела залезать в ванну. Мне было стыдно стоять перед тётей нагишом, и я отвернулся к стенке. Но она это заметила и прикрикнула:

– Ну, парень, ты видно порядков больничных не знаешь. Здесь нет ни мужчин, ни женщин. Здесь только больные и медики. Как увидишь кого в белом халате, так и знай – это медик! Их никак нельзя стесняться. Медики – они же не люди, а спасители хворых. Потому здесь больные не стесняются, даже если голышом по коридорам приходится двигаться. Уяснил?

Ванна внутри была белой, блестящей, скользкой и холодной. Нянечка отлила из полного ведра с водой немного воды в порожнее ведро, добавила туда из пышущего паром большого чайника горячей воды и сказала:

– Мылить не буду, раз ты чистый, и мочалить тоже. Буду поливать на тебя ковшиком, а ты сам мой себя руками. Ведь не маленький уже.

Вода казалась очень холодной, и я больше ёжился от холода, чем мыл себя. Но нянечка не ругалась, и как только намочила меня всего, тут же подала полотенце и скомандовала:

– Вытирайся быстрее, а то ещё простынешь, – и, повернувшись к маме, добавила, – вот ему две простыни ещё и наволочка. Во второй палате кровать у окна свободная. Там

матрац, подушка и одеяло. Одну простынь на матрац, а вторую вместо пододеяльника. Одежду парня сдавать будете или потом при выписке сами принесёте?

– Нет, я одежду заберу. А сандалии ему можно свои оставить, а то эти тапочки на него сильно велики?

– По больнице в своей обуви нельзя. Но Вы поставьте их ему под тумбочку, когда на улицу будет выходить, на крыльце может переобуваться. Да и Вам тоже нужно себе выбрать тапочки подходящие вон из тех, и халат наденьте, вон их сколько в шкафу для посетителей. А то, если без халата, и мне и Вам нагорит.

В палате было 8 коек. На трёх лежали дяди с поднятой вверх одной ногой. Поднятые ноги лежали на досках, спускающихся от верха решётки к матрацу. Через ногу у каждого была продета железная спица, а к ней привязаны верёвки, продетые через колёсико над решёткой. За решёткой к этим верёвочкам были привязаны большие железные грузы. Дяди эти лежали спокойно, не стонали от такого мучения, и совсем не плакали. Ближний к нам вообще спал. А один даже улыбался нам. Но мне было очень жаль этих дядей и страшно было смотреть на продетые в их живое тело железные спицы. Ещё на двух кроватях тихо лежали другие дяди. Ещё две кровати были пустыми, но чувствовалось, что их хозяева недавно только покинули постель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.